

ЖИТИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ФЕОДОРИТА,
ПРОСВЕТИТЕЛЯ КОЛЬСКОГО

в изложении
иеромонаха МИТРОФАНА (Баданина)

К 1390437

Издательство «Ладан»
Издательство Мурманской епархии

2006

КОЛЬСКИЙ ПАТЕРИК

По благословению
Высокопреосвященнейшего СИМОНА,
архиепископа Мурманского и Мончегорского

ББК 86.
Ж74

Ж74 **Житие** преподобного Феодорита, просветителя Кольского: в излож. иеромон. Митрофана (Баданина). – Мурманск: Изд-во Мурман. епархии; С.-Пб: «Ладан», 2006. – 144 с.: ил. – (Кольский патерик; кн. I).

ISBN 5-86983-093-1

Серия книг под названием «Кольский патерик» посвящена жизнеописаниям прославленных Церковью святых земли Кольской и иных подвижников веры и благочестия, всей своей жизнью исповедовавших евангельские истины.

В первой книге серии – «Житии преподобного Феодорита, просветителя Кольского» – раскрываются суть и спасительное величие жизненного подвига одного из выдающихся подвижников Севера – преподобного Феодорита Кольского, дерзнувшего ступить в древние колдовские «вотчины князя бесовского» с проповедью веры Христовой и просветившего евангельским светом «полночные» земли Великой Лапландии.

ISBN 5-86983-093-1

© Иеромонах Митрофан (Баданин), 2006
© Издательство «Ладан», 2006
© И. Куксенко, иллюстрации, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства..... 7

К читателю..... 8

глава ѐ

1481–1494 гг..... 13

Ростовский «Затвор». – Мечта владыки Геннадия. – Книги «Досифеева дѣнья». – Досифеев переписчик.

глава њ

1494–1518 гг..... 23

Юный инок. – Шуя книжная. – Уроки терпения. – Раздумья на распутье. – Учитель Зосима. – «На созерцание». – Первая встреча. – «Заволжские старцы». – Завещание учителя.

глава ѓ

1518–1533 гг..... 39

«Ребра северовы». – Со старцем Митрофаном. – Феодорит и Трифон. – «Феодорит Пустынник». – Основатель Кандалакши. – В Коле. – Кола и Печенга. – Иеромонах Илия.

глава д

1533–1551 гг..... 61

При владыке Макарии. – Заволжские пустыни. – Лопарская азбука. – Кольская обитель. – Феодорит и Варлаам. – Крещение. – Небывалая епитимия. – Под покровом молитвы. – Месть бесовская. – Ветер с Соловков. – Изгнанник и страстотерпец. – Встреча на Ниве. – На Печенге. – Варлаамово пророчество. – Морской путь святости. – Собор Кольских святых.

глава ̅

1551–1571 гг.	103
<i>Время Стоглава. – «Во вселенной». – При дворе Иоанна. – Великий пример. – Небывалая грамота. – Константинопольская миссия. – Искусительные милости. – Царский выбор. – «На пути к Ледовому морю...». – «Философ из Кандалакши». – Кандалакша, как первая любовь.</i>	
Заключение.....	135
Тропарь преподобному Феодориту, просветителю Кольскому.....	142
Кондак преподобному Феодориту, просветителю Кольскому.....	143

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

По мысли Его Высокопреосвященства архиепископа Симона, благословившего исследовательскую деятельность по изучению агиографического наследия края, конечной целью всех книг серии «Кольский патерик» должно стать создание полноценного агиографического сборника – КОЛЬСКОГО ПАТЕРИКА. В таком патерике, или отечнике, могли бы быть собраны воедино жизнеописания не только всех прославленных Церковью святых земли Кольской, но и подвижников веры и благочестия, достойных патриотов Русского Севера, своей жизнью и смертью исповедовавших евангельские истины.

Приглашаем к сотрудничеству всех, кто ведет исторические изыскания в этом направлении.

Издательство Мурманской епархии

К ЧИТАТЕЛЮ

«Житие преподобного Феодорита, просветителя Кольского» написано на основе исследований, проводившихся в рамках работы Комиссии по канонизации святых Мурманской епархии.

В 2002 году издательством Мурманской епархии в серии «Православные подвижники Кольского Севера» была издана книга иеромонаха Митрофана (Баданина) «Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Исторические материалы к прославлению и написанию жития». Этот труд не только получил высокую оценку читателей, но был удостоен в 2003 году медали Комитета и Фонда по премиям памяти митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова).

Главным результатом работы Комиссии по канонизации стало причисление блаженного Феодорита Кольского к лику святых с усвоением ему титула «преподобный» и установлением дня его памяти – 17/30 августа.

В представляемом «Житии» достаточно часто приводятся цитаты из «Истории о Великом

князе Московском» А. Курбского*, одна из глав которой посвящена воспоминаниям автора о своем духовном отце, «преподобном Феодорите». Мы полагаем это вполне оправданным, поскольку, как отмечают исследователи, «достоверность рассказа Курбского подтверждается документальными материалами»**.

В данной книге сознательно опускается доказательная база излагаемых фактов из жизни преподобного Феодорита, поскольку научно-исследовательская работа была проведена нами ранее***.

Иеромонах Митрофан (Баданин)

* Курбский Андрей Михайлович (1528–1583 гг.), князь, боярин, писатель. Духовное чадо Феодорита Кольского и один из образованнейших людей своего времени. Вначале близкий друг и сподвижник царя Иоанна IV Грозного, затем противник, скрывшийся на территории Литвы от развернувшегося террора и опричнины. Вступил в длительную и обширнейшую переписку с царем Иоанном, которая ныне является богатейшим источником наших сегодняшних знаний обо всех областях политической, церковной, богословской и литературной жизни России в XVI веке.

** Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 200.

*** См.: Митрофан (Баданин), иеромонах. Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Исторические материалы к прославлению и написанию Жития. Мурманск, 2002.

Также: Митрофан (Баданин), иеромонах. Преподобный Трифон Печенгский и его духовное наследие. Житие, предания, исторические документы. Опыт критического переосмысления. Мурманск, 2003.

Книга о преподобном Варлааме Керетском в настоящее время готовится к печати.

ГЛАВА ǃ

1481–1494 гг.

Ростовский «Затвор». – Мечта владыки Геннадия. – Книги «Досифеева дѣнья». – Досифеев переписчик.

В 1481 году в Ростове Великом родился мальчик, которому было суждено стать великим подвижником и оставить яркий след как в истории просвещения Крайнего Севера Руси, так и в деле становления российской государственности в XVI веке.

Родители Феодора (таким было мирское имя Феодорита), наградив его стойким характером, светлым умом и блестящими способностями к языкам, воспитали юношу в крепкой вере и благочестии и дали ему превосходное образование. Надо понимать, что родители его были людьми необычными как по своей принадлежности к высшему обществу, так и по редкой в то время образованности*.

С самого малолетства мальчик Феодор был отдан на воспитание и обучение в небольшой монастырек во имя святителя Григория Богослова, издревле существовавший

* Мы оставляем на уровне рабочей гипотезы высказанное ранее предположение о родстве Феодорита с известным книжником XV века Федором Жидовином, автором знаменитого перевода Псалтири и «Послания к иудеям». См.: Митрофан (Баданин), иеромонах. Блаженный Феодорит Кольский, просветитель лопарей. Исторические материалы к прославлению и написанию Жития. Мурманск, 2002. С. 79–83.

при ростовском архиерейском доме, «близь епископии», на территории Ростовского кремля. Этот просветительский центр, с давних времен называвшийся «Затвор», обязан своим возникновением епископу Ростовскому Парфению (на кафедре с 1370 по 1382 гг.) – греку из Константинополя. Богатейшая библиотека греческой духовной литературы, собранная владыкой Парфением, в свое время стала учебной базой для изучения греческого языка, богословского и филологического образования святого Стефана, просветителя зырян, а позже, спустя почти сто лет, и для юного Феодорита, в дальнейшем «просветителя лопарей».

В конце XV века этот удивительный богословско-образовательный центр возглавлялся архиепископом Ростовским и Ярославским Тихоном (Малышкиным). Для насельников монастыря считалось нормой читать в подлиннике книги, написанные на древнегреческом языке. Службы в храмах Ростовского кремля совершались на два клироса, дабы попеременно петь как на русско-славянском, так и на греческом языках.

Ростов Великий, несмотря на явное затухание своей некогда выдающейся культурной роли в истории Древней Руси, к концу XV века еще сохранял традиции крупнейшего просветительского центра того времени.

Именно здесь, среди книг в ростовском архиерейском доме, возревновал о подвигах просветительских, о подражании Стефану Пермскому юный Феодорит и испытал в сердце своем ту самую жажду «пойти в землю не обетованную, и не путную, в землю жаждущую...»*. Жиз-

* Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей

ненный путь святителя Стефана, этого выдающегося просветителя языческих народов Севера, стал образцом для юного Феодорита. В дальнейшем свою просветительскую деятельность он строил на примере подвижнических трудов Великопермского Святителя, стремясь повторить этот опыт равноапостольного служения своего прославленного предшественника.

Конец XV века – время предчувствия больших перемен в российской истории. Решительно и твердо земля Российская собиралась под власть Великого князя Московского. Славные северные города-государства – Ростов Великий, Псков, Великий Новгород, хотя и познали уже смиряющую руку московского князя, но пока еще находились на вершине своего исторического величия, на пике культурных и духовных достижений. Архиереи этих северных древнерусских епархий, Новгородской и Ростовской, ведущих свою духовную историю еще с X века, в полной мере следовали тем исконно православным традициям раннего русского монашества, когда «христианская вера предполагает личный опыт общения с Богом».

В это время в далеком Белом море, на архипелаге Соловецких островов, трудами преподобных Зосимы, Савватия и Германа Соловецких набирала силу и входила в крепость духовную монашеская обитель, которой суждено было стать великим оплотом Православия на Крайнем Севере Руси. И в первую очередь заявить о себе как

// Православный собеседник. Казань, 1859. Ч. 2. С. 97–98. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Житие прп. Трифона. – Прим. ред.)

о центре православной книжности в полярных широтах, обителью, собравшей уникальную и богатейшую коллекцию рукописной книги.

Начало Соловецкой обители как книжному центру Северной Руси положил святитель Геннадий (Гонзов), архиепископ Новгородский. Будущий Святитель еще юным монахом подвизался вместе с преподобным Савватием на острове Валаам и в дальнейшем всегда помнил это время, непременно называя себя «учеником преподобного Савватия Соловецкого». Владыка Геннадий, будучи тонким ценителем книжного слова, хорошо понимал, сколь уязвима рукописная книга, сколь высока опасность разорения как уникальной новгородской библиотеки, так и книгохранилищ иных древних русских городов в наступивший нестабильный период формирования российской государственности.

Игумен Соловецкой обители старец Досифей стал тем человеком, который сумел воплотить в жизнь мечту святителя Геннадия о создании на далеком, труднодоступном острове, *иже лежит на Ледовом море**, хранилища русской словесной духовности, библиотеки древней православной рукописной книги.

Старец Досифей, заставший «еще в живых преподобного Зосиму Соловецкого, которого сподобился с братией

* Курбский Андрей. История о Великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. 2-я пол. XVI в. М., 1986. С. 324–347. (Далее по тексту цитаты из этого издания выделены курсивом. В некоторых случаях текст цитат адаптирован автором к современному звучанию слов. – *Прим. ред.*)

погребсти своими руками», положил начало братскому Синодику монастыря, восстановив имена почивших монахов начиная «с 1449 году, с начала обители, от жизни преподобного Зосимы»*.

Еще в 90-х годах XV века Досифей был игуменом монастыря, но в дальнейшем отошел от властных попечений и уже полностью отдался делу создания ставшей впоследствии столь знаменитой Соловецкой библиотеки, после чего упоминался в монастырских документах не иначе, как «бывший игумен». Результатом трудов его жизни стали сорок шесть переписанных и вложенных им в библиотеку книг, так называемых «книг Досифеева дáнья».

Имея большую любовь к книжному слову, священноиннок Досифей, по его признанию, не имел особых способностей к литературной деятельности и «долго отрицался, сознавая свою малоопытность», но благословенный святителем Геннадием тем не менее взялся за этот великий труд.

Упомянутые выше сорок шесть «книг Досифеева дáнья» являли собой итог многолетнего, тяжкого и чрезвычайно кропотливого труда. Рукописные тексты этих книг, найденные и переписанные для монастыря игуменом Досифеем, представляли собой подчас весьма объемные сборники, каждый из которых мог включать в себя несколько отдельных книг. Так, например, Досифей писал: «Летом послал

* Крушельницкая Е. В., Тутова Т. А. Старцы Соловецкого монастыря // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. Приложение. С. 137.

есмы книгу правил святых Апостол, да Пророчества, да Маргарит, да Сильвестр, да Пчелу, да Феодора Студита, да Кузьму Пресвитера, да Ивана Экзарха, да Ивана Дамаскина, да Палею, да Василия Кесарийского, да Дионисия Ареопагита, да Анастасия, да Кирилла Александрийского, да Шестодневца Васильев, да Торжественник постный, да Апокалипсис Иоанна Богослова».

Несомненно, столь масштабный труд, проведенный старцем Досифеем, был совершенно немислим без энергичных и грамотных помощников. Архиепископ Геннадий озаботился решением и этой проблемы. Хорошо зная замечательную ростовскую школу «при архиерейском доме», он отписал Ростовскому архиепископу Тихону, попросив подыскать способных для книжного дела послушников. Так решилась судьба Феодорита. Так начиналось исполнение мечты мальчика о просветительстве, о повторении подвига святителя Стефана Пермского. Так начал восхождение к преподобию по ступеням монашеского делания будущий подвижник веры и просветитель Великой Ландии преподобный Феодорит Кольский.

В 1492 году одиннадцатилетний Феодор уже трудился под началом игумена Досифея над переписыванием новгородских книг, которые тот отбирал по рекомендациям архиепископа Геннадия, «по возможности, лучшие». О том, насколько ценными были эти рукописи, свидетельствует, например, приписка, сделанная на одной из монастырских книг того времени: «Книгу сию: „Беседа на новоявившуюся ересь” взял на список у Владыки, а писана она на хартии, и есть ей за пятьсот лет».

В собраниях Соловецкой рукописной книги и по сей день можно видеть немало этих уникальных древних фолиантов – «книг Досифеева дáнья». При желании можно найти и тексты, переписанные рукою юного Феодорита – в то время еще Федора. Среди них «Толкование на пророков» – весьма объемистая книга, написанная ровным, аккуратным полууставом XV века. Приписка писца на обороте последней страницы книги открывает нам имя переписчика – «последнего и худшего всех в человеках и первого в грешниках дьяцишки Феодора». Указано и точное время написания книги: «Лето же тогда течаше [протекало]* 1492-го, а закончил есмь месяца июня 20, на память святого мученика Мефодия [священномученика, епископа Патарского]. Слава совершителю Богу. Аминь». Ниже нарисован экслибрис книг старца Досифея в виде круга-печати с текстом о принадлежности книги, написанным сложной вязью: «Священноинока Досифея».

В упомянутом 1492 году, как мы помним, игумен Досифей активно трудится в Великом Новгороде, переписывая древние книги для своего монастыря. Переписанная мальчиком Федором книга «Толкование на пророков» есть точный список со знаменитого древнего перевода, что в 1047 году сделал «поп Упирь Лихой» для новгородского князя Владимира Ярославовича. То есть, как упоминал выше игумен Досифей, возраст многих переписываемых им книг «есть за пятьсот лет».

* Здесь и далее в цитатах в квадратных скобках пояснения автора, иеромонаха Митрофана (Баданина). – *Прим. ред.*

С 1493 года двенадцатилетний отрок Феодор уже числился в послушниках *на Соловецком острове, в монастыре, иже лежит на Ледовом море*. Обычно искус послушания для соловецких послушников продолжался не менее трех лет, но в этот раз всего один год пробыл юный Феодорит послушником. В 1494 году ему исполнялось лишь тринадцать лет, но игумен Досифей уже принял решение о постриге Феодорита. Особые планы в отношении способного отрока строились в голове настоятеля.

ГЛАВА Թ

1494–1518 гг.

Юный инок. – Шуя книжная. – Уроки терпения. – Раздумья на распутье. – Учитель Зосима. – «На созерцание». – Первая встреча. – «Заволжские старцы». – Завещание учителя.

8 марта, в субботу на третьей седмице Великого поста 1494 года, в день памяти священномученика Феодорита, пресвитера Антиохийского, *принял он на себя монашеский образ*, и, в соответствии с обычаем, *был отдан на святое послушание* старцу, иеромонаху, премудрому и многолетнему Зосиме. Этот древний монашеский обычай состоял в том, что новоначальный инок поступал в послушание старцу, которому он полностью подчинялся, отсекая свою греховную волю и открывая помыслы. Без такого всецелого послушания старцу невозможно было преуспевание в духовной жизни.

Иеромонах Зосима был определен как восприемник Феодориту при его постриге. «Подобно тому, как при крещении присутствует восприемник, так и при постриге присутствует духовный отец, или старец, который берет на себя обязательство научить новопостриженного монашеской жизни»*.

* Цыпин Владислав, протоиерей. Курс Церковного права. Клин, 2002. С. 245. Наряду с этим в монастыре могли руководствоваться и 2-м правилом Двукратного Собора, согласно которому духовным отцом должен быть настоятель монастыря.

Кроме того, юные, еще безбородые послушники по Соловецкому уставу должны были жить за пределами обители. Старец Зосима как раз и подвизался в монастырском скиту на реке Шуе (побережье Белого моря, напротив Соловецких островов, южнее нынешней Кеми). Угодья по реке Шуе были дарованы Соловецкому монастырю совсем недавно, в 1479 году, и к моменту прихода сюда Феодорита в 1494 году места эти были еще весьма пустынные. В истории обители известен случай чудесной помощи Божьей, дарованной тяжело погоревшей Соловецкой обители в 1485 году, через «явление на реке Шуе старцу Зосиме запечатанного короба» со всем потребным для жизни братии. Очевидно, что и послушник Зосимы юный инок Феодорит также оказался свидетелем этого впечатляющего чуда, столь зримо явившего благодатную силу молитв соловецких угодников.

Иеромонах Зосима, несомненно, обладал особыми качествами *пресвитера свята, премудра и многолетна*, что и определило уединенность места его монашеских подвигов вдали от большого монастыря, а равно и возможность успешного духовного формирования необычного юноши – инока Феодорита.

Побережье Белого моря в районе Шуи было наиболее приближено к Соловецким островам, потому место это являлось наилучшим для расположения монастырского подворья на материке. Немаловажным было и то обстоятельство, что не вдалеке, в милях сорока от Шуи, на побережье у Сорокинской губы выходил древний Новгородский путь, ведущий к Северным морям. С XVI века офи-

циальная государственная дорога шла от Шуи вдоль берега до Сороки и Сумы, далее на юг через Выгозеро к Повенцу, что на севере Онежского озера, по Онеге до Ладожского озера, а там по реке Волхов в озеро Ильмень, на котором стоит славный Новгород Великий*.

Место расположения монастырского погоста на реке Шуе было выбрано в удалении от морского побережья, в трех километрах вверх по течению, дабы затруднить непрошеным «варяжским гостям» обнаружение этого поселения.

Сюда, по мысли игумена Досифея, должно было доставляться и главное монастырское сокровище, над которым он столько трудился, – рукописные книги. Здесь можно было дожидаться начала навигации или пережидать непогоду, прежде чем книги эти будут доставлены на Соловецкие острова.

Но здесь же было можно и спокойно копировать рукописные тексты с тех книг, что давал Новгородский владыка на время, «на списание», не подвергая их опасностям путешествия по морю.

Вот тут-то и был особо востребован способный переписчик, инок Феодорит. В атмосфере живых преданий, строгих традиций и святоотеческого слова воспитывался молодой инок. *Навыкнув всякой духовной премудрости*, он формировался как молитвенник, книжник и богослов. И несомненно то, что первую информацию о *Лопи дикой*

* Шаскольский И. П. Финляндский источник по географии Северной России и Финляндии середины XVI века // История географических знаний и открытий на Севере Европы. Л., 1973. С. 23.

юноша получил именно здесь, подвизаясь в скиту на берегу Белого моря. Да и с самой лопью и иными малыми народностями Севера, с их языком и наречиями он имел великолепную возможность познакомиться непосредственно в этих краях. В царской грамоте того времени можно прочитать: «Пожаловали мы Лопь крещеную и некрещеную Шуи реки...» Таким образом, юный Феодорит в полной мере использовал опыт подготовки к просветительской деятельности, завещанный святителем Стефаном Пермским, который долгое время предварительно изучал быт и язык зырян (пермяков).

Конечно же, все Поморье знало об этом центре русской книжности, что так чудесно образовался на реке Шуе. И, скорее всего, мальчик из не столь далекого поморского села Керети, именем Василий, будущий Варлаам Керетский, именно здесь, у старца Зосимы и Феодорита постигал книжную премудрость и вскоре, как повествует Житие преподобного Варлаама, «научен бысть книгам».

Монашеское послушание, молитвенные и книжные труды Феодорита продолжались непрерывно в течение 12 лет. В 1506 году Феодориту исполнилось 25 лет, а это значило, что он вошел в возраст, когда мог бы быть рукоположен в первый священный сан – в дьяконы.

Однако в это время приехать к Новгородскому владыке для рукоположения было абсолютно невозможно. В Новгороде и его пределах с 1505 по 1508 год свирепствовала эпидемия оспы. Таким образом, лишь в 1509 году состоялось рукоположение Феодорита. Сан иеродиакона Феодорит получил уже у святителя Серапиона, нового

Новгородского владыки, совсем недавно возглавившего Новгородскую кафедру. Его предшественник, высокий покровитель Феодорита святитель Геннадий (Гонзов) был сведен с кафедры 26 июня 1504 года якобы за факты «стяжания». «...Оставил престол свой за немочь, неволею, понеже, приехав с Москвы на свой престол в Новгород Великий, начал мзду за поставление имати». Таковой была официальная версия, хотя многие склонны были видеть в святителе Геннадии невинно пострадавшего от интриг и клеветы, что, возможно, явилось следствием его непримиримой позиции при разоблачении опасной для Руси и весьма коварной ереси «жидовствующих».

Итак, в 1509 году Феодорит стал иеродиаконем. Однако этот год оказался и годом завершения весьма недолгого правления архиепископа Серапиона*. Именно в 1509 году он был низвержен с Новгородской кафедры в результате ссоры с Иосифом Волоцким, игуменом Волоколамского монастыря**.

Одной из косвенных причин конфликта архиепископа с игуменом со столь тяжелыми последствиями стала невозможность их личной встречи для урегулирования

* С 15 января 1506 года по июль 1509 года.

** Прп. Иосиф Волоцкий (Волоколамский) (1440–1515 гг.), из бояр рода Саниных. Ученик прп. Пафнутия, ученика прп. Сергия Радонежского. В 1479 году в волоколамских пределах основал Успенский монастырь, где ввел новый общежительный «Устав», проникнутый идеями действенного общественно-патриотического служения Церкви и придания этому служению важной роли в деле дальнейшей централизации и усиления Московского государства. Устав и монастырское хозяйство монастыря вскоре были признаны официальным образцом для всех монашеских обителей на Руси.

возникших между ними недоразумений из-за той же, упомянутой выше, эпидемии.

После этих событий 1509 года Новгородская кафедра оставалась незанятой в течение 17 лет. Лишь в 1526 году на нее был назначен архиепископ Новгородский Макарий (1482–1563), будущий Святитель и митрополит Московский и всея Руси.

Итак, получив трехлетний урок терпения, Феодорит уже иеродиаконом вернулся к своему учителю. Надо понимать, что старец Зосима, подвизавшийся в уединении в скиту, вдали от большого общежительного Соловецкого монастыря, был приверженцем пустынно-жительства. И, конечно, он воспитал своего ученика Феодорита в том самом духе нестяжательного, пустынного подвижничества, умного молитвенного делания, которое еще существовало на Руси и питалось духовными токами истинного монашества древнего православного Востока.

Это направление религиозной жизни на Руси в начале XVI века получило название «нестяжательства». Духовными лидерами «нестяжателей», давшими совершенно уникальный устав монашеской жизни, стали старец Паисий Ярославов и его ученик преподобный Нил Сорский. К моменту, когда это направление развития духовности на Руси в полной мере столкнулось с необходимостью иного подхода к монастырскому строительству, с переменами в религиозной жизни и практике спасения, с так называемым «осифлянством», Нил Сорский уже почил. Многочисленные его последователи расселились в «заволжье», на Белозерье и Вологодчине, в пустынных уединенных скитах, все

более тяготея к Северу России. «Заволжцы» жили исконной духовной традицией православия – «процессом духовного и нравственного сложения христианской личности».

Надо с горечью констатировать, что формирующемуся Московскому царству уже требовался совсем иной образ церковной жизни. Официальная Церковь как бы оказывалась в плену у интересов государства, была вынуждаема составлять с ним единое целое.

При этом надо ясно понимать, что сама противоположность духовных исканий «нестяжателей» и «осифлян» не являлась поводом для борьбы. Так, например, знаменитый Устав преподобного Корнилия Комельского, им собственноручно написанный для братии монастыря, удивительным образом гармонично сочетал в себе как «Почтения о скитском житии» Нила Сорского, так и положения «Духовной грамоты» Иосифа Волоцкого. Важнейший аспект духовного возрастания инока – «умное молитвенное делание» был умело сцементирован в нем со строгостью общежительного устава и неукоснительностью монастырского цикла богослужений.

Но, увы, ситуация развивалась при активном участии иных сил – на карту были поставлены огромные материальные богатства, а вопросы пути спасения души неизбежно отходили на последний план. Главными стали практические выводы этого противостояния, затрагивающие интересы государства: отношение к монастырским имениям, землям и вотчинам, к крепостным людям, а также отношение к еретикам, что сделало эту борьбу жестокой и бескомпромиссной. Последствия же ее для православия на Руси оказались весьма печальными.

Известия обо всех этих событиях и переменах, происходивших в церковной жизни Москвы и Новгорода, безусловно, доходили и до уединенного монастырского скита на реке Шуе. Поучения старца Зосимы о хранении души от соблазнов и искушений «имениями», о нищете телесной и богатстве духовном формировали будущего стойкого подвижника веры – Феодорита Кольского.

Вскоре после низложения новгородских владык в Соловецком монастыре начались явные нестроения. Причина этих нестроений – суть следствие все того же наступившего в начале XVI века «брожения в умах» и упомянутых выше негативных тенденций в российском монастырском строительстве.

Анализ сохранившихся монастырских документов Соловецкой обители позволяет сделать вывод об имевшем место в это время некоем «имущественном конфликте», приведшем как к смене настоятеля, игумена Евфимия (1507–1514), так и к изменениям в монастырском уставе в части, касающейся имения личных вещей монахами*.

Из келий монахов были забраны «рухляди» – все личные вещи, включая одежду, обувь и книги, и «снесены в казну», то есть обобществлены. Таким образом в монастыре начались «новые порядки». Соловецкая обитель приводилась в полное соответствие с монастырским Уставом,

* «Причина смены игумена и составления Описи имущества 1514 года объясняются каким-то случившимся в монастыре имущественным конфликтом» (Крушельницкая Е. В. Описи строений и имущества Соловецкого монастыря // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. С. 262).

написанным Иосифом Волоцким. Суть монашеского обета «нестяжания», как мы видим, сводилась к сомнительному запрещению иметь в кельях личные вещи. В то же время в масштабе монастыря в целом, как мы знаем, стали нарастать владение многочисленными селами с крестьянским людом и поощряться активное участие в разнообразных мирских попечениях.

В 1511 году Феодориту исполнилось 30 лет – возраст, с которого он мог быть рукоположен в иеромонахи. Этим рукоположением, видимо, и должно было бы закончиться его послушание у старца Зосимы, поскольку Феодорит пришел уже в возраст «мужа совершенного, в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13). Но, увы, как ранее мы указывали, после отстранения в июле 1509 года от архиерейства Новгородского владыки Серапиона Новгородская кафедра так и не была никем занята в течение 17 лет, и рукоположения прервались. Так что стать священником Феодориту довелось гораздо позже, лишь весной 1534 года.

Так или иначе, но у старца Зосимы в этом Шуерецком погосте Феодорит пробыл *в послушании духовном неотступно* целых семнадцать лет, стяжав за это время *всякой духовной премудрости и взойдя ко преподобию по ступеням добродетели*. Именно здесь он сформировался как книжник и богослов, в полной мере впитав всю мудрость святоотеческих творений, ибо, можно сказать, вся Соловецкая библиотека прошла через его трудолюбивые руки, жаждущую душу и пытливым ум.

В 1511 году иеродиакон Феодорит принимает решение отпроситься уйти в паломничество, как тогда говорили, *на созерцание*. Отныне он готов был к странствиям по славным святым местам Русского Севера, готов воспринять, разделить и приумножить те благодатные духовные дары, коими так богаты были еще в то время многочисленные монастыри, бесчисленные скиты и пустыни, населенные великими подвижниками православной святости.

Взяв благословение, он со слезами попрощался со своим отцом духовным, престарелым наставником Зосимой, под руководством которого возрастал в «духе и истине» целых 17 лет, и *изыде из того монастыря за благословением старца своего, на созерцание*. До наступления «новых порядков» оставить православный монастырь и пойти «на созерцание» в иные монастыри можно было по благословению своего духовного отца. «Мужи, проходящие житие монашеское, да исходят, когда настоит нужда, по благословению того, кому вверено начальство»*.

Первым, к кому устремилась *на созерцание* душа Феодорита, был *славный и великий муж*, чудотворец Александр Свирский. Встреча их была как *чисто со чистым и непорочного с непорочным*. Преподобный Александр, не зная Феодорита и прозрев его приближение, вышел к нему навстречу за ограду монастыря и произнес:

* VI Вселенского Собора правило 46 (Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима. Троице-Сергиева лавра, 1996. Т. 1. С. 532). К слову сказать, в западном монашестве со времен Бенедикта Нурсийского (VI век) введен дополнительный четвертый монашеский обет – «пребывание в своем монастыре до смерти».

«Вот сын Авраамов пришел к нам, Феодорит диакон». Вспомним при этом, что свирского подвижника часто называют «новым Авраамом» как удостоившегося явления Святой Троицы в виде трех Ангелов.

Очень пришелся по сердцу Преподобному молодой подвижник – зело любяше его, покуда жил он в монастыре оном. И, надо думать, часто сослужил он игумену Александру на божественных службах, что справлялись братией в той первой, деревянной церкви монастыря, освященной в 1508 году в честь Живоначальной Троицы. И рассказывал Феодориту Свирский старец, как подвизался он в этих непроходимых пустынных лесах в полном одиночестве, в тяжелейших подвигах, питаясь лишь травой в течение семи лет, как заболел желудком и как Господь не оставил его, послав ангела-целителя. О том, как злые духи этой пустыни бороли его и всячески изгоняли из этих мест и как теперь собрались вокруг него истинные ревнители пустынной жизни. Все услышанное и увиденное глубоко запало в душу Феодорита, и именно здесь, у этого великого святого подвижника, приобрел он опыт практического устройства уединенного монастыря, воплощенный им много позже на краю земли Северной.

Отсюда, от этого монастыря, от этой деревянной Свято-Троицкой церкви берет начало Свято-Троицкий монастырь, построенный Феодоритом в устье реки Колы около 1540 года. Образ сурового и одновременно смиренного северного подвижника, преподобного Александра Свирского, навсегда остался в сердце молодого Феодорита и наряду со Стефаном Пермским укреплял его и был примером в его долгой подвижнической жизни.

Из Свирского монастыря Феодорит направился *аж за Волгу реку, в тамо сущие великие монастыри.* К тем самым «заволжским старцам», живущим по многочисленным скитам и продолжающим великое духовное делание преподобного Нила Сорского и возрастающим на древних традициях пустынных отцов православного Востока в духе «нестяжания» и умной молитвы.

Обойдя северорусские обители, напитавшись духом суровой аскезы, поглядев на *храбрых воинов Христовых, иже воют супротив начал властей темных, миродержцев века сего*, Феодорит поселился в Кирилло-Белозерском великом монастыре. Здесь жил он в течение двух лет, до 1514 года, наблюдая за жизнью многих святых мужей и *ревнуя их жестокому и святому жительству.* Однако жизнь в столь многолюдном общежительном монастыре показалась Феодориту слишком суетной, и он удаляется *в пустыни тамошние*, которые в большом количестве существовали вокруг монастыря. Именно в этих уединенных скитах подвизались многочисленные ученики и последователи преподобного Нила Сорского, *умучая и покоряя плоть свою в порабощение и послушание духу.*

Именно они, белозерские пустынники, то есть иноки Кирилло-Белозерского монастыря, но жившие уединенно, имевшие свои отдельные пустыньки и скиты на Белозерье, они составляли основу «нестяжательства» на Руси. Речь идет об изначальной и истинной идее монашества, идее, идущей с древнего Востока, «никогда не умиравшей в Греции и которая, будучи перенесенной в Россию, никогда не умирала совершенно и у нас».

Здесь, в Белозерье, Феодорит поселяется в одной из пустынь, основанной известным подвижником того времени – старцем Порфирием. Феодорит прожил с божественным старцем Порфирием около четырех лет. Здесь обрел он немало иных пустынников, мужей святых, некоторых престарелых уже во днях, и там с ними в трудах духовных подвизался вкупе.

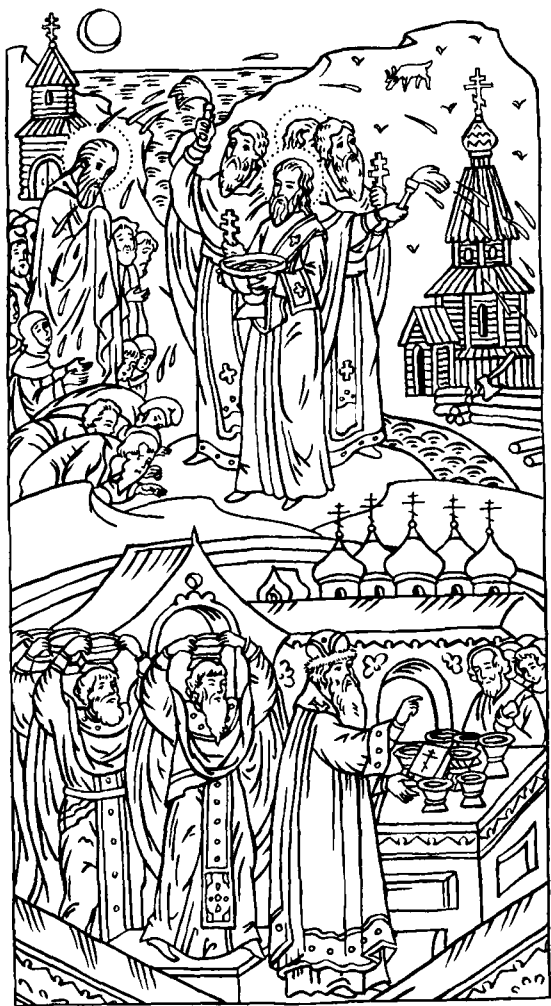
В 1518 году Феодорит неожиданно получает письмо от своего духовного отца *многолетнего святого старца Зосимы*, который, *провидев свое отшествие к Богу*, просит его вернуться в Шуереченский скит, дабы послужить в немощах его последние дни. И Феодорит немедленно, *как олень*, отправляется в столь далекий путь по великим и непроходимым пустыням.

Расстояние от Белозерья до реки Шуи на Белом море – 1100 км. Путь этот Феодорит преодолевает пешком, нигде не задерживаясь и не отдыхая. Он стремится к своему Старцу *с радостью, тщанием и охотою... ни во что вменяя множество трудов и жестокости долгого пути*. И приходит наконец *болезненными ногами* в Шую, к своему дорогому Зосиме. *Обнимает многолетнего святого старца и лобызает пречестнейшие его седины пресвитерские и пребывает при нем в немощах и недугах его*. И, служа Зосиме, творит *всяческое послушание, как Тимофей Павлу*. И так несколько месяцев, около полугода, вплоть до самой кончины старца.

Похоронив своего духовного отца и вняв его последнему напутствию о хранении обетов монашеских и великой мудрости пустынной жизни: *напился я оныя сладости*

пустынные, понеже пустыня покоя и ума почивания наилучшая родительница и воспитательница, клевет [сотрабочник] и тишина мысли, Божественного зренья плодovitый корень, истинная содружебница с Богом, Феодорит разжегся желанием пустынного безмолвного жительства. Видимо, еще что-то важное о призвании Феодорита сказал ему отходящий ко Господу Зосима. Вспомним, что старец Зосима был из учеников преподобного Зосимы, игумена Соловецкого. Другой же ученик Зосимы Соловецкого, игумен Досифей, пишет о своем учителе: «Когда слава о добродетелях преподобного Зосимы разнеслась повсюду, тогда многие из окрестных дикарей сами приходили к нему, принимали святое крещение и даже постригались в монашество».

Именно в этот период игуменства Зосимы Соловецкого, с 1452 по 1478 годы, учитель Феодорита, Зосима, принял постриг, и если даже и не был сам из тех «новообращенных», то уж, во всяком случае, тесно общался с ними и сокрушался о тех варварских лопарских народах, живущих «яко звери дикие в пустынях непроходных, в расселинах каменных. Отнюдь Бога истинного, единого и от него посланного Иисуса Христа не знающих...»

ГЛАВА Г

1518–1533 гг.

«Ребра северовы». – Со старцем Митрофаном. – Феодорит и Трифон. – «Феодорит Пустынный». – Основатель Кандалакши. – В Коле. – Кола и Печенга. – Иеромонах Илия.

Феодориту пошел сороковой год, и он чувствовал, что наступило время главного дела его жизни. Он долго готовился и, обходя великих старцев «заволжских», подвижников Русского Севера – *храбрых воинов Христовых*, учился у них *брани супротив начал властей темных, миродержцев века сего*. Теперь путь его лежал на Крайний Север, к *ребрам северовым* (Пс. 47, 3). «Ребра северовы» – сила Севера. То есть сила демона, «ибо демонская сила всегда подразумевалась под именем Севера»*. И такое определение Кольского полуострова и районов, к нему прилегающих, вовсе не является удачной метафорой. Многие серьезные историки и исследователи жизни на Кольском Севере вынуждены признать, что известия об этих краях всегда связывались с владениями «князя мира сего» (Ин. 14, 30), «с духами злобы поднебесных» (Еф. 6, 12).

В легендах народов об этих местах часто упоминается, что именно здесь под вечными льдами земли горит «огонь»

* Псалтырь в святоотеческом изъяснении / Изд. Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. 1997. С. 168.

неугасающий»*. Противодействие «сил бесовских», с которым сталкивается христианин, попадающий на Кольский Север, а тем более подвижник веры и благочестия, пришедший просветить это царство мрака светом веры Христовой, нашло достаточно подробное отражение в Житиях святых Русского Севера.

Так, например, в Житиях соловецких подвижников подробно описываются виды и образы действий сил бесовских в этих «пустынных страхованиях». Они являются подвижнику в первые год-два в виде разбойников, черных дьяволов, воинов в доспехах, женщин в прекрасных одеяниях или в жутком образе иных слуг князя тьмы. Сначала угрожают и пугают подвижника, требуя покинуть им принадлежащие земли. В дальнейшем возможны и тяжкие побои, и мучения, даже до полусмерти. При таких последствиях неизменно являлась помощь от Господа в виде благолепных старцев (обычно почивших подвижников этих мест) либо светозарных юношей, которые исцеляли и ободряли претерпевшего.

Подчеркнем тот очевидный факт, что земля эта всегда с большим трудом и сопротивлением расставалась с мраком язычества, идолопоклонства и страшного колдовства и что очень немногие истинные подвижники выстояли в этой смертельной схватке за души людские.

«...В тех местах прельщаемы человеки от невидимого врага – дьявола, являясь по званию христианами, обычаев держатся от древних прародителей... Слышахом, что втай-

* См.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1997. Т. 7. С. 541–542. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Карамзин. – *Прим. ред.*)

не детей своих в жертву закалают и образы святых икон огню предают, всячески диаволу угождая, и всякие кудесы творят, чтобы с бесами им беседовать...»*

Только те подвижники, которые в полной мере бесконечным смирением и укрощением своей плоти и небывалой силой покаяния сумели обессилить лютого врага, только им удалось сподобиться святости на этой земле «и спасти вокруг себя тысячи». Надо сказать, что все это в полной мере относится к духовной жизни на Кольском Севере и в наше время.

Итак, в 1518 году иеродиакон Феодорит на малом кораблеце великою рекою Колой [Кольским заливом], яже впадает своим устьем в Ледоватое море, добрался до глубоких варваров, лопарей диких. Здесь восходит он на горы высокия, их же нарицает Святое Писание ребра Северовы, и вселяется в тех лесах пустынных, местами непроходимых, поставив себе келью.

В настоящее время лесная растительность в районе города Колы мало напоминает те леса непроходимые, и заготовить бревна для избушки сегодня вряд ли бы удалось. Но в начале XVI века влияние теплого Гольфстрима на климат в наших краях еще не настолько ослабло и лес рос здесь настоящий, «корабельный», вполне пригодный для строительства**.

* Насонов А. Псковские летописи. Вып. 1. М.-Л., 1941. С. 143.

** «Позади строений города находится обширное поле. В старину на оном было кладбище и рос сосновый лес, из которого построены собор и укрепления; ныне же нет там ни одного кустарника». (Рейнеке М. Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии. СПб., 1830. С. 9–10); «Он [собор в Коле] построен из чрезвычайно толстых бревен». (Верещагин В. П. Очерки Архангельской губернии. СПб., 1849. С. 127–128).

Спустя несколько месяцев Феодорит встречает здесь еще одного пустычника, *единоко* [одинокого] *старца*, *Митрофан* было имя ему, живущего тут уже около пяти лет. Несомненно, эта встреча для Феодорита была очень важной: опыт пятилетнего выживания в этой *прегорчайшей пустыне* оказался весьма полезным для него. Питаются же они от *жестоких зелей и корней*, которые находят в этой пустыне. Как свидетельствует «Повесть о пустынножителех с Соловецких островов», подвижники в наших краях питались «мохом белым квашеным [белый мох – ягель] с брусникою»*. «Аще хочешь узнать, чем Владыка питает окалянное тело наше, прими сие и уведай... Брат же взял и ел. Было же сие белый мох, стертый с брусникою, и усладилась та еда в гортани его...»** Что касается корней, то речь идет о некоем «кореньи Вакха и ему подобном»***.

Встреченный Феодоритом отшельник Митрофан был не кто иной, как преподобный Трифон Печенгский до своего пострига. Ко времени этой встречи в 1519 году Трифону было уже около 30 лет. Он пришел в эти края лет на пять раньше Феодорита, то есть где-то в 1514 году. В его

* Повесть о пустынножителех Соловецкого острова. Цит. по: Иеромонах Никодим. Архангельский патерик. СПб., 1901. С. 183. «Ягель – содержит большое количество крахмала, превращающегося при варении в студень, составляет хорошее питательное вещество, особенно для оленей Лапландской тундры» (Дергачев Н. Русская Лапландия. Арх., 1877).

** Петренко Н. А. Соловецкий патерик и Повести о соловецких пустынножителех // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 504.

*** Рукопись «Книга повести о пустынножителех Соловецкого острова». РНБ, Соловецкое собр., № 1195/1366, л. 2 об.

Житии об этом периоде и о месте подвигов преподобного Трифона пишется, что «еще в мирском чину, прииде в часть норваньския земли... на реку Печенгу, преподобный отец Трифон в той непроходной дальней стране был един пришелец»*.

Кроме того, Житие Трифона указывает, что первое время Преподобный «выше писанья реки Печеньги, бездомно и бескровно, по лесам и по горам и в пропастях земных скитался, странствуя»**.

Встреча Феодорита с Митрофаном как раз и завершила скитания последнего, и далее весьма значительное время они подвизались вместе: *пребывают вкупе в прегорчайшей пустыне той.*

Для Митрофана, будущего преподобного Трифона Печенгского, эта встреча со святым подвижником, книжником, богословом и духоносным старцем Феодоритом Кольским стала по истине судьбоносной.

При всей очевидной внешней несхожести этих двух подвижников, этих двух величественных фигур и самобытных характеров, ими был явлен удивительный союз единомышленников, верных соратников в великом деле просвещения земель Северных и оглашения племени лопарского.

Феодорит, с юных лет *разжегшийся желанием пустынного жительства*, готовящий себя к просвещению *глубоких варваров, лопарей диких*, явился тем носителем

* Житие прп. Трифона. С. 97.

** Там же. С. 98.

Божественного гласа, который открыл Митрофану его новое предназначение, промысел Господа о его новом поприще. Отныне не только личное спасение через покаяние и плач о тяжких грехах своей удалой юности, но и сердечное сокрушение о грехах ближних, пребывающих во тьме языческого нечестия, и милосердная забота о просвещении сущих во *мраке тяжкого идолюбия* – вот удел отшельника Митрофана.

Но начало пути православного подвижника и просветителя – это постижение науки «умного молитвенного делания», стяжание Святого Духа и обожение плоти для «спасения самого себя», дабы «вокруг могли спастись тысячи». Самый прямой путь к этому стяжанию, а также к обретению мудрости Божественных откровений лежит через опыт непосредственного богообщения в Фаворском свете «нетварных энергий».

Около пяти-шести лет под руководством Феодорита постигал Митрофан эту, не ведомую ему ранее, великую науку «стяжания молитвы Иисусовой», научаясь «священнобезмолвию» в иноческом житии. Думается, что и свой первый навык евангельской проповеди на лопарском языке Митрофан приобрел в совместных с Феодоритом опытах живого общения с лопарями. Согласитесь, одно дело – бесхитростная житейская беседа и совсем другое – проповедь Божественных истин и догматов Веры, что и на родном языке далеко не каждому под силу.

Примерно к 1524 году учитель Феодорит почувствовал, что Митрофан достаточно укрепился духом и вполне готов к самостоятельной евангельской проповеди среди язычников. Стало понятно, что они уже могут разделить-

ся и приступить к оглашению лопарского народа в двух различных районах его обитания.

Митрофан возвратился в места своих первоначальных покаянных скитаний – в район реки Печенги, к своим давним знакомым, к лопарям из обнаруженного им ранее поселения в устье реки Маны (Намайоки).

«Тогда задумал он построить небольшую часовенку. Сам рубил для нее бревна в печенгском лесу и носил их на своих плечах. В этой часовне поставил иконы, им же самим написанные»*. Часовенку эту Митрофан поставил у лопарского погоста Печенгска зимня. На карте владений Трифоно-Печенгского монастыря начала XX века это поселение обозначено как погост Печенгский. В наше время здесь находится поселок Корзуново.

Место это так и осталось для него самым дорогим и памятным, как «первая любовь». Позже, в 1530 году, когда Митрофан приступил уже к созданию «монастыря первоначального», то Свято-Троицкую монастырскую церковь он поставил несколько ниже по течению, там, где в Печенгу впадает река Мана и где место более уединенное. Это и понятно – надо было отделить лопарей-монахов от их родового лопарского поселения.

В наше время здесь, при месте монастырской церкви, в алтарной части, находятся могилы преподобного Трифона и его учеников, а недалеко разместился поселок Луостари (в переводе с финского – «монастырь»).

* Печенгский монастырь, ныне исчезнувший с лица земли. Предание, добавленное архивными данными. Изд. Т. Ф. Кузина. СПб., 1893. С. 4.

«Феодорит Пустынник» – под таким именем знали Феодорита современники – так он упомянут в «Списках иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви»*. Пустынничество являлось сутью его мировоззрения: «...пустыня покоя и ума наилучшая воспитательница, тишина мысли и божественного зрения плодovitый корень...»**.

«Монахи-отшельники и теперь отправляются в разные страны, лежащие на север и на восток, куда достигают только с величайшим трудом и с опасностью чести и жизни. Они не ждут и не желают никакой от того выгоды, ибо, запечатлевая иногда учение Христово смертью, они стараются единственно только о том, чтобы сделать угодное Богу, наставить на истинный путь души многих, соvrащенных с него заблуждением, и приобрести их Христу»***.

Отдельно следует подчеркнуть, что Феодорит, «от юности своя» познакомившийся с лопарями, населявшими в то время эти громадные северные просторы, начинавшиеся как раз от Шуи, где обитала Лешая Лопь, и далее на Север к Лопи Верхней Земли и Лопи Кончанской, и всем сердцем *разжегшийся желанием* вывести эти *поганьские народы* из тьмы идолопоклонства, вовсе не ставил своей целью только лишь проживание и проповедь в

* Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. С. 664.

** Сурий Лаврентий. Достоверные повествования о святых. Кельн, 1575. С. 798–799. Цит. по: Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 42.

*** Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московитских делах / Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 197.

устье Колы-реки. Равным образом и просветительская его деятельность вовсе не ограничивалась саамским этносом, тем более если учесть, что территории лопарского кочевья в значительной мере принадлежали иным народностям. Деятельность его была более масштабной, и задачи, стоявшие перед ним, были во многом по силам только ему. Воистину он был «апостолом Земли Северной».

В замечательном предании, «древней памяти», сохранившейся в народе лопарском, мы можем прочувствовать, кем являлся для них Феодорит. Когда по душу старого лопина пришла Смерть и задала ему трудные вопросы, то за ответами на эти вопросы «род-племя лопарское» решает обратиться не к кому-нибудь, а именно к «Феодориту Русскому, ибо он широко ходит». Примечательна и та важная мысль, мудрости которой и сама Смерть подивилась: «Видно, знал ты, лопин, с кем об ответе подумать». Это мысль о том, что лишь в союзе с русским народом, а не на «Датской стороне» может уцелеть народ лопарский: «...род твой без имени не останется и память твоя в забвение не придет». Ибо «сказал Феодорит: „Добро тебе и роду твоему сообщиться с Русью, добро тебе и роду твоему приложиться к языкам всея Руси”»*.

Истинность слов Феодорита прошла проверку временем. Русские и лопари всегда показывали пример братских, доверительных отношений между собой. И нередко закрепляли традиционную дружбу удивительным северным обычаем «крестования» – обмена нательными крестами

* Шергин Б. В. Древние памяти. М., 1989. С. 249.

в знак «братания навек». В настоящее время саамы православного вероисповедания в Северной Норвегии, оказавшиеся как раз на той самой «Датской стороне», с весьма немалыми трудностями отстаивают свое право исповедовать веру, завещанную им преподобными Трифоном и Феодоритом, удерживая за собой последний «островок», оставшийся от бывшего Нявдемского прихода – Трифоновскую часовню св. Георгия Победоносца в нынешнем Нейдене (Норвегия).

Надо понимать, что равноапостольное «широкое хождение Феодорита Русского» весьма осложнялось известным обстоятельством. Как указывают специалисты по саамской культуре, различные группы лопарского народа использовали совершенно различные языковые диалекты. Причем различные до такой степени, что порой и сами не вполне понимали друг друга. Феодорит же, как мы уже писали, обладал уникальной способностью к языкам.

Надо заметить, что даже при наличии такой хорошей языковой базы для проповеди Евангелия Феодориту понадобилось целых семь лет, прежде чем он добился первых реальных успехов среди лопарей. Произошло это в районе устья реки Нивы. Именно здесь, в местах зимовок Лешей Лопи, на месте нынешнего города Кандалакши, в 1526 году видим мы первые плоды просветительских трудов Феодорита, крестителя лопарей: «Приехал к Москве лопляне с моря Окияна, ис Кандалакжской губы, усть Нивы-реки, из дикой лопи, били челом государю и просили антими́нса и священников, церковь свящати и просветити их святым Крещением, и Государь

велел архиепископу Макарию послати из Новаграда от соборных церкви, священника и диакона. И они ехавше свящали церковь Рождества Иоанна Предтечи, и многих лоплян крестиша во имя Отца и Сына и Святаго Духа, в нашу Православную веру христианскую»*.

Отшельник Феодорит, живший в пустыне с 1518 года, не знал, что в его родную Новгородскую епархию наконец-то назначен управляющий – архиепископ Макарий. Потому он и направил своих челобитчиков-лопарей прямо в Москву. И Великий князь был вынужден перенаправить «поморцев и лоплян» в Новгород к владыке Макарию.

С другой стороны, необходимо понимать, какое небывалое дело затевалось на берегу Нивы-реки. Испрашивалось благословение на строительство русской православной церкви на земле Лапландской, в месте, державе Московской доселе вовсе не принадлежащем. Потому и шли «лопляне с моря Окияна» именно к Царю Московскому, ибо дело это было чрезвычайной важности государственной и, как показала последующая история, далеко небезопасным.

В 1526 году Феодорит «с лоплянами» приходит за благословением к новому новгородскому архиерею, после чего вновь убывает уже со священником в «Кандолакжскую губу, на усть Нивы-реки». Здесь, на ее правом берегу, в устье освящают они церковь во имя Рождества Иоанна Предтечи и «многих лоплян крестиша во имя Отца и Сына и Святаго Духа, в нашу Православную веру христианскую».

* Софийская летопись // Полное собрание русских летописей. Л.-М., 1929. Т. 4. Ч. 1. С. 542.

Церковь эта, изначально построенная для крещения обитавших здесь лопарей, в дальнейшем служила приходской церковью «волости Кандалакши». Она разделила печальную участь многих храмов на Поморье, уничтоженных шведскими финнами «из Остерботнии под предводительством Везайнена», которые летом 1590 года «...в ночи приходили к морю, в Кандалакшскую волость. И в монастыре братию и в волости всех людей присекли, и монастырь, и церковь, и волость пожгли...»* И которые полгода спустя, в декабре 1589 года, сожгли Печенгский монастырь.

В 1529 году после двенадцати лет пустынножительства Феодорит готовится к завершению своей первой проповеди Евангелия в Русской Лапландии, на берегах Нивы, Колы и Туломы. К этому времени многие лопарские семьи, живущие вблизи Кольского залива, были уже подготовлены им к принятию Святого Крещения. Кроме того, стала совершенно очевидной необходимость строительства церкви в устье Колы, где уже возникло постоянное поморское русское поселение, не говоря уже о сезонных промышленниках, приходивших сюда ежегодно, с ранней весны до поздней осени.

Феодорит вновь направляется в Новгород, к владыке Макарию. Но на этот раз он идет вместе с Трифоном (тогда еще Митрофаном). Трифон впервые, с того тяжелого момента своего покаянного ухода на Север из районов

* Исторический архив. Вып. VII. М., 1951. С. 229. Цит. по: Ушаков И. Ф. Хрестоматия по истории Кольского Севера. Мурманск, 1997. С. 32–33.

Норботнии в 1513 году, решается выйти в мир, «во вселенную». Несомненно, Феодорит при своей первой встрече с архиепископом Макарием в 1526 году поведал Владыке о непростой судьбе своего печенгского друга и единомышленника.

После этой встречи с новгородским архиепископом та епитимия, которой Трифон, по промыслу Божьему, за грехи разбойной юности добровольно подверг себя, уйдя на покаяние в Лопарские пустыни, получила теперь законное основание. Будучи подтвержденной владыкой Макарием, до ее двадцатилетнего исполнения и завершения теперь оставалось три года.

И Феодорит, и Трифон, кроме того, испросили у Владыки «благословленные грамоты» на строительство церквей. Вернувшись со строителями, они действительно воздвигают церкви: Трифон – на Печенге (у реки Маны) – Свято-Троицкую, Феодорит – на реке Коле Благовещенскую (летнюю) и Никольскую (зимнюю).

Первой была построена церковь на Печенге и «по воздвижении же та святая церковь пребывала три лета» неосвященной, – шло строительство церквей на Коле. В 1531 году Феодорит со своими «лоплянами с Колы-реки и с Тутоломы» выехал «бить челом» к «преосвященному Макарию и просить антиминов и священников церкви Божии святи». По этой челобитной «боголюбивый архиепископ Макарий» направил к «Мурманскому морю» священника «от соборных церкви Святой Софии» – «иероинока Илию». Вместе с этим священником на «Мурманское море» в обратный путь отправился и иеродиакон Феодорит.

Все немалые странствия по Северу «Феодорита Русского», который «широко ходит», в том числе и это его совместное с «иероиноком Илией» путешествие, есть не просто необходимость преодолеть расстояние, а непрерывный миссионерский труд, равноапостольное подвижничество среди языческих народов по «искоренению прелести кумирской и просвещению их Божественным учением»*.

Первой церковью, построенной Феодоритом на берегах Колы, была церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Для его миссионерских подвигов по-прежнему неизменным образцом остаются деяния святителя Стефана Пермского: «Когда число веровавших возросло значительно, святой Стефан построил для них первую церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, имея в виду ту мысль, что как Благовещение было началом спасения для всего мира, так и церковь эта послужила начатком спасения земли Пермской»**.

В дальнейшем именно к этому дню Благовещения, в середине марта, приходили в Колу так называемые «мурманщики» – рыбаки с Белого моря и с Онеги, и, отпраздновав здесь Благовещение (25 марта/7 апреля), уходили на лов рыбы до «Петрова дня» (29 июня/12 июля). Лопари же к празднику Благовещения полностью рассчитывались с царскими данщиками, после чего готовились вслед за оленьими стадами кочевать на морские побережья.

* Насонов А. Псковские летописи. М.-Л., 1941. Вып. 1. С. 141.

** Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 3. Ч. 1. С. 90. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Макарий. – Прим. ред.)

Именно к этой Благовещенской церкви в 1591 году переберутся уцелевшие после разгрома монастыря печенгские монахи, образовав здесь Кольско-Печенгский монастырь. Эта первая Благовещенская церковь в Коле сохранится до большого городского пожара при шведском нашествии 1611 года.

Вторая церковь, Никольская, в Коле всегда считалась приходской, теплой. Церковь эта, по сути, одна из древнейших святынь Кольских берегов. Это перестроенная под небольшую зимнюю церковь известная Никольская часовня, стоявшая на этом месте еще с начала XV века, со времен славных деяний монахов – учеников преподобного Евфимия Карельского.

Итак, зимой 1531 года Феодорит освящает две церкви в волостке Коле, на излучине рек Колы и Туломы. Событие это происходит на Филиппов пост. Достоинно восхищения такое стремление святителя Макария столь безотлагательно выполнить просьбу лопарей. Надо ли объяснять, что такое конец ноября–декабрь на Крайнем Севере. Это кромешная тьма и непогода. Видимо, Феодорит со своей стороны передал владыке Макарию информацию о том, что только в это время, к середине зимы, все лопарские семьи возвращаются на свои погосты.

Об этом событии, освящении здесь двух церквей, сообщает нам Софийская летопись: «В лето 7040 года... тое же зимы приехаша в Великий Новгород лопляне с Мурманского моря, с Колы-реки, с Тутоломи, и били челом государеву преосвященному Макарию и просили антиминов и священников церкви Божия свящати и самих просветити святым крещением. И боголюбивый архиепископ Макарий

послал от соборных церкви святей Софии священника и диакона, и они, ехавши церкви Божия свящали, Благовещения Святей Богородицы да чудотворца Николу в Филиппов пост, и самих многих крестиша за Святым Носом Лоплян во имя Отца и Сына и Святого Духа, в нашу православную и святую веру»*.

Упомянутые слова «за Святым Носом» вовсе не есть свидетельство слабого знания географии нашими предками. Хотя, казалось бы, какое отношение Кола может иметь к мысу Святой Нос – их разделяют сотни миль. Однако следует пояснить, что слова эти как раз подчеркивали особую значимость произошедших событий. Именно на рубеже Святого Носа заканчивались земли Великого князя Московского, а далее простирались берега Мурманского (Норманского) моря, и земли здесь были все еще доеданными. И то, что русские православные церкви построены «за Святым Носом», было большой победой в деле усиления влияния Руси здесь, на Крайнем Севере Европы.

Безусловно, архиепископ Макарий, снабжая антиминосиами иеромонаха Илию в дорогу по просьбе «феодоритовых» лопарей, имел в виду и освящение готовой церкви на Печенге. И действительно, как сообщает Житие Трифона, «прииде преподобный Трифон в волостку Колу и там Божиим строением обрете иероинокка именем Илию и, взяв с собою, паки прииде на реку Печенгу, идеже во имя

* Софийские летописи // Полное собрание Русских летописей. СПб., 1853. Т. 6. С. 289.

Живоначальная Троицы построена церковь. Ту святую церковь иероинок Илия освятил»*.

Феодорит, конечно же, похлопотал перед Новгородским Владыкой и о том, чтобы освященные церкви в Коле не остались «без пения». Как сообщается в «Архангельском патерике», «первый и единственный священник в Коле стал быть 6 декабря 1533 года»**.

Этот «первый священник в Коле» – известный подвижник Севера «белый поп Иоанн», будущий иеромонах Иона, сопостник преподобного Трифона и первый преподобномученик при разорении Печенгского монастыря в 1589 году.

Из каких мест на служение в Колу был приглашен белый поп Иоанн, можно высказать лишь только предположения. В древнем Синодике Соловецкого монастыря существовала отдельная страница, куда записывались «поминовения многих монастырей иноков». Естественно, вносились туда имена особо памятных угодников Божьих. Так, в списке можно увидеть имена, по-видимому, печенгских мучеников: «игумен Гурий», «инок Герман» и также «священноинок Иона из Варзуги». Так что не исключено, что известный северный подвижник, в течение пятидесяти лет служивший при преподобном Трифоне, преподобномученик Иона Печенгский, был родом из древнейшего поселения Кольского полуострова – села Варзуги, что на Терском берегу.

* Житие прп. Трифона. С. 102.

** Иеромонах Никодим. Архангельский патерик. 1901. С. 224. Сн. 17 к стр. 224.

Промысел Божий о попе Иоанне вскоре был явлен в особой ситуации, сложившейся к моменту срочной необходимости крещения родившейся у него дочери. Эти неодолимые обстоятельства повлекли вступление в силу церковных канонов: «родство по духу есть важнее союза по телу... да отступят от сего незаконного супружества»*, что и было свято исполнено батюшкой с матушкой. И в 1533 году, по благословению архиепископа Новгородского Макария, поп Иоанн «отъиде во обитель Святого и бысть ему ученик и от Преподобного навыче искусного монашества. И потом благословлен иеромонахом»**. Так начал свой долгий пятидесятилетний путь монастырской жизни иеромонах Иона Печенгский. Путь, завершившийся в 1589 году славным венцом преподобномученика.

Неизменный спутник Феодорита, иеромонах Илья, крестивший лопарей, освятивший первые церкви на Кольском Севере и постригший в 1532 году в монахи Трифона Печенгского – личность весьма заметная в истории церкви XVI века. «Священник с сеной*** от Рождества Христова инок Илия»**** хорошо известен

* Правила Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима (Милаша)//VI Вселенского Собора правило 53. Троице-Сергиева лавра, 1996. Т. 1. С. 538.

** Никодим, архимандрит. Архангельский патерик. Архангельск, 1902. С. 227.

*** «Сени» – в Новгороде этим словом называли Архиерейский дом.

**** Насонов А. Псковские летописи. М.-Л., 1941. Вып. 1. С. 142.

как миссионер, книжник и доверенное лицо святителя Макария.

Именно в Житии Трифона мы находим самое раннее (1532 г.) упоминание его имени. Эти его путешествия на Север «до лопи до дикие» и постоянное тесное общение с Феодоритом как раз и дало Илие информацию о положении дел в инородческих северных областях Новгородской епархии (Чудской, Ижорской, Карельской), которую он доложил архиепископу Новгородскому Макарию. Именно после этого появилась написанная Макарием с соизволения государя окружная грамота (25 марта 1534 г.) и была предпринята весьма известная в истории Русской Церкви миссия иеромонаха Илие по искоренению рецидивов язычества на Севере России среди ранее крещеных народов.

Несомненно, иеродиакон Феодорит всегда был рядом с Илией в этих непростых миссионерских походах. Эта проблема противостояния «прелести кумирской» нарождающемуся северному христианству изначально, надо думать, была поднята перед владыкой Макарием именно Феодоритом при его первом исхождении из северных пустынь в 1526 году.

Священнику домово́й (крестовой) церкви архиепископа Макария иеромонаху Илие были даны жесткие инструкции по уничтожению капищ, мольбищ, священных рощ и прочих предметов языческого поклонения. А также по индивидуальной работе с шаманами (арбуями) и поголовном окроплении всех жителей святой водой, лично приготовленной Святителем в храме Святой Софии «с животворящих крестов, с чудотворных икон и со святых

мощей». Судя по всему, иеромонах Илия был пастырем высокой духовности: «Летопись отмечает, что приход священника Илии предчувствовали дети»*.

Помимо упомянутых ранее его деяний по освящению церковей на Крайнем Севере в 1526 и 1531 году, миссионерские походы иеромонах Илия совершил еще дважды: в 1534 и 1535 году.

* Макарий (Веретенников), архимандрит. Макарий, митрополит Московский и всея Руси. М., 1996. С. 8. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Архим. Макарий. – *Прим. ред.*)

ГЛАВА Д

1533–1551 гг.

При владыке Макарии. – Заволжские пустыни. – Лопарская азбука. – Кольская обитель. – Феодорит и Варлаам. – Крещение. – Небывалая епитимия. – Под покровом молитвы. – Месть бесовская. – Ветер с Соловков. – Изгнанник и страстотерпец. – Встреча на Ниве. – На Печенге. – Варлаамово пророчество. – Морской путь святости. – Собор Кольских святых.

Итак, Феодорит успешно завершает свое северное двенадцатилетнее пустынножительство, достойно увенчав первую проповедь христианства крещением лопарей и строительством церквей на берегах Нивы, Колы и Туломы. *И поставляется от Макария архиепископа Феодорит пресвитером.*

В своих просветительских деяниях Феодорит в полной мере воплощал идеалы русского православного миссионерства, когда пустынножительство, уединенное созерцание, молитвенный подвиг – непременно предварительное условие успеха в оглашении и крещении язычников, созидания церквей и монастырей. Православные русские миссионеры – это великие молитвенники и столпы Православной веры, преподобные Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский, Александр Свирский, Трифон Печенгский, начинавшие проповедь Христа с себя самого, с личного подвига спасения в пустынных, диких, языческих местах. «Стяжи дух мирен и вокруг тебя спасутся тысячи» – ясно формулирует великий Серафим Саровский главную идею и принцип православного миссионерства. Только после этого этапа личной победы над собой можно рассчитывать

на успех своей проповеди. Как писал Н. М. Карамзин: «...он [Феодорит]... имел славу крестить многих диких лопарей; не убоаясь пустынь снежных; проник во глубину мрачных, холодных лесов и возвестил Христа Спасителя на берегах Туломы; узнав язык жителей, истолковал им Евангелие, изобрел для них письмена... просветил Божественною верою без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и Америке, но единственно примером лучшего»*.

Итак, по прибытии Феодорита в Новгород архиепископ Макарий рукополагает его во иеромонахи. Феодориту уже пятьдесят лет. Святитель, родившийся в 1482 году, даже немного младше Феодорита. Удивительно высока духовность и светел облик пришедшего из пустыни Феодорита. Святитель Макарий чувствует это – Феодорит становится его духовником.

Благодать Духа Святого, которую стяжал старец Феодорит, столь обильно изливается на всех к нему притекающих, что *не будучи епископом, воистину светлого епископа дела исправляет*. Он приводит к истинной вере и к пути спасенному множество знатных светлых и богатых граждан. К нему идут и идут страждущие, и он *целит недужных, очищает прокаженных, возвращает заблудших душою из сетей диавольских*, пробуждает небывалое покаяние у них.

Но мыслями он далеко, в той, любезной его сердцу, северной стране, среди полюбившихся ему лопарей. Феодорит любит вспоминать и рассказывать об этих по сути

* Карамзин. Т. 9. С. 139; Т. 1. С. 31.

добрых и наивных детях природы: «Тот народ Лопский, люди зело просты и кротцы и отнюдь всякого лукавства неискусны, ко пути спасения же тщаливы и охочи зело».

Общение Феодорита с архиепископом Макарием, мужем высокой духовности и государственного мышления, еще более укрепило его в осознании той особой значимости для России успешно начатой им православной миссии на Крайнем Севере. Владыка, надо думать, делился со своим духовником беспокойством о том, что то страшное, «реформаторское» отступление от истинной веры, которое с 1517 года поразило уже пол-Европы, теперь угрожает России и «от тамо близких стран люторския и калвинския ереси» эти вплотную подступили к нашим северным пределам. Феодорит не скрывает от Святителя, что собирается вновь в *полунощную страну*, ибо хорошо понимает, что только создание крепких северных монастырей поставит надежный заслон этой экспансии и закрепит за Россией «вечно спорные» земли у *Студеного моря, на Мурманском рубежу*.

В 1534 году, во время пребывания Феодорита духовником при владыке Макарии, с Печенги, от преподобного Трифона в Новгород пришло известие о том, какая история приключилась с настоятелем кольских церквей попом Иоанном. И о том, сколь большая есть нужда Трифону в грамотном священнике-иеромонахе для «новоначального» монастыря. Словом, стало понятно, что в Колу нужно было назначать нового настоятеля.

Вот тут-то и вспомнил преподобный Феодорит о Василии из Керети – своем давнем ученике и воспитаннике. Василию в это время было уже не менее тридцати лет, и

он был женат*. Как известно из Жития преподобного Варлаама, «книгам он был научен», так что представленный Новгородскому архиепископу Макарию кандидатом на рукоположение Василий сподобился вскоре священнической благодати. «И Божьим судом поставлен он бысть презвитером в Колском граде, в церкви Николы чудотворца»**. Окрыленный архиерейским благословением и вняв наставлениям Феодорита, своего духовного отца, где-то около 1535 года приступил отец Василий к исполнению обязанностей поповских в Кольском граде, у *Студеного моря, на Мурманьском рубежу*.

Характером новый настоятель Никольской церкви был тверд, порой горяч и крут. Но к вере христианской и к службе церковной ревность имел большую и волю непреклонную. Особо скорбел отец Василий о тяжком «идолобесии», о вере языческой, в которой пребывали еще многие лопарские семьи. По многочисленным лопарским капищам справлялись жуткие магические действия, и прикормленные колдунами-нойдами могущественные порождения тьмы – «князи бесовские» наводили страх на местное население, требуя жертвенных приношений даже от крещеных душ. Всему этому смело противостал новый кольский настоятель и «добре подвизаясь на невидимого

* «Собор 1502 года возобновил определение прежнего Владимирского Собора, согласное с правилами древних Соборов (VI Вселенского, пр. 14, 15. – *Прим. М. М.*), чтобы поставляемые в священники имели не менее 30 лет, в диаконы – не менее 25 и в иподиаконы – не менее 20 лет» (Макарий. Кн. 2. С. 71–72).

** «Повесть о преподобнем Варлааме Керецком». РГАДА. Ф.196. № 634. Ч. 4, 5.

врага козни», вступил в опасную схватку с «духами злобы поднебесными» (Еф. 6,12).

Во всем помощницей отцу Василию была его жена, которую он любил всем своим горячим сердцем и лишь ради которой оставил он свою заветную мечту об иночестве.

Итак, «пресвитер Василий в церкви Николы чудотворца пребывая, добре подвизался на невидимого врага козни, и люди Закону Божию, яко истинный пастырь поучая, был ходатай Богу и человекам»*.

Завершив свои попечения о вновь освященных церквях Кольского Севера и взяв благословение у владыки Макария, Феодорит вновь укрывается в «заволжских пустынях», дабы собраться с силами и укрепиться духом.

Именно в этот период в течение нескольких лет Феодорит подвизается в пустыни Кирилло-Белозерского монастыря вместе со своими друзьями-нестяжателями, *мужами святыми, некоторыми уж престаревшими во днях*, со старцем Артемием, а также со старцами Сергием Климиным, Иоасафом Белобаевым и Исааком-пустынником, иноками – постриженниками Соловецкого монастыря. Со старцем Артемием у Феодорита сложились особо теплые, дружеские отношения как с подвижником высокой духовности, «человеком ученья книжного, доброго нрава и смирения исполненна»**. Старец Артемий был близко

* Дмитриев Л.А. Повесть о житии Варлаама Керетского // ТОДРА. М.-Л., 1970. Т. 25. С. 186.

** Из доклада об Артемии священника Сильвестра царю Иоанну Грозному. Цит. по: Артемий, бывший игумен Троицкий на Москве // ЧИОИДР. М., 1891. Кн. 4. С. 38.

знаком с царем Иоанном IV Васильевичем, который неоднократно призывал его для совета как по церковному устройству, так и для бесед на духовные темы: *его царь зело любяше и многажды беседоваше, поучаяся от него*. Сохранилось несколько посланий Артемия к царю, написанных им в пустыни во исполнение царского повеления: писать ему «о Божиих заповедях и отеческих преданиях и о благах человеческих»*.

В лице Артемия Феодорит нашел стойкого последователя столь любезного ему нестяжательства и пустынножительства, человека, близкого ему по духу, по богословской пытливости ума, по образованности. Эта их дружба и совместные духовные подвиги в Белозерской Порфириевой пустыни (в истории известной также как «Артемиевой») позже на Соборе 1554 года лягут в основу обвинения Феодорита в «ереси».

Время прихода Артемия в Порфириеву пустынь известно точно – 1536 год. Надо полагать, что и Феодорит в это же время присоединился к отшельникам этих суровых скитов, где они могли «в безутешном месте глаголемыя Порфириевы пустыни плакаться грех своих...»**.

Для Феодорита причина такого уединения была особо важной – именно здесь Феодорит трудился над созданием лопарской письменности, над переводом богослужебных текстов. И вновь, следуя за святителем Стефаном, серьезно готовился ко второму этапу просвещения народа лопарского: дабы и в его церквях «попы Лопарским языком

* Русская Историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4. С. 1440.

** Строев П. М. Каталог славянско-российских рукописей, принадлежащих И. Н. Царскому. М., 1836. С. 11.

служажу, канонархи по Лопарским книгам канонархаша, певцы же всяко пение Лопарски возглашаху»*.

И там во трудах духовных подвизался вкупе около четырех лет. Это, значит, до 1540 года.

Итогом этих книжных трудов преподобного Феодорита в заволжских пустынях было, несомненно, великое деяние по созданию саамской письменности. Говоря об этом, мы вновь должны вспомнить, что образцом подвижничества для Феодорита всегда служили просветительские труды святителя Стефана. Саамская письменность, которую создавал Феодорит, как и «древнезырянский» святого Стефана Пермского, должны были стать языками священными, поскольку предназначались для просвещения язычников светом веры Христовой, для переводов священных и богослужебных текстов и молитв. Учитывая родство языковой финно-угорской группы саамов и зырян, можно предположить, что Феодорит использовал принципы составления алфавита, изобретенного на основе кириллицы и изображений на денежных значках зырян – «пасов» еще святым Стефаном почти сто пятьдесят лет назад. Только вместо зырянских «пасов» Феодоритом были использованы знаки лопарских родовых клейм, или «тамги».

Мы ясно видим, что Феодоритом были приложены поистине величайшие усилия для того, чтобы попытаться если не повторить, то хотя бы приблизиться к тем удивительным достижениям святителя Стефана в просвещении

* Цитата из Жития свт. Стефана Пермского с соответствующей заменой слова «Пермский» на слово «Лопарский».

Пермского края. Тогда во вновь образованной Великопермской епархии, которую возглавил ставший уже епископом Стефан, «попы его Пермским языком служили обедню, заутреню же и вечерню и канонархи его по Пермским книгам канонаршили, певцы же всяко пение Пермски возглашали»*.

Такая последовательность действий при христианизации языческих народностей Севера, успешно опробованная Стефаном Пермским, а затем и Феодоритом, надо сказать, и в дальнейшем весьма активно использовалась в миссионерской деятельности Русской Православной Церкви. Так было, например, с самоедами, этносом, весьма схожим с лопарями, но пришедшим на Кольский полуостров много позже, в XIX веке. «5 августа 1824 года Государем Императором был утвержден проект обращения самоедов в христианскую веру. Начальником духовной миссии... был определен архимандрит Сийского монастыря Вениамин. Он приступил к изучению языка самоедов, затем составил первую его грамматику и лексикон, перевел на него Евангелие от Матфея и другие книги Нового Завета...»**

Сейчас, спустя многие столетия, «с высоты исторического опыта» кому-то может показаться напрасной тратой

* Житие свт. Стефана Пермского, написанное Епифанием Премудрым. Цит. по: Книга, глаголемая описание о российских святых (Репринт., 1888). М., 1995. С. 69–70.

** Боярский П. В. Русский крест в сакральном пространстве Арктики // Ставрографический сборник. М., 2001. Кн. 1. С. 134. Сотрудником приснопамятного архимандрита Вениамина в его подвижнических трудах вплоть до 1860 года был протоиерей Петр Степанович Лысков. В дальнейшем отец Петр служил в Печенгском приходе, но недолго, до 1866 года, по причине сильно уже подорванного здоровья.

сил и совсем неперспективным такое увязывание задач христианского просвещения с созданием национальной письменности для малых народностей государства Российского. Письменность эта неизбежно оказывается вытесненной из реальной приходской жизни, «не выдерживая конкуренции с церковнославянской книжностью»*. Однако в очередной раз укоротим свою гордыню и поостережемся считать наших предков глупее нас. Дальнейшая бесперспективность этого процесса становится очевидной лишь тогда, когда в полной мере уже достигнуто то, ради чего создавалась национальная письменность такой малой народности.

Каждый проповедник Евангелия, вторгаясь в языческие области, напрямую сталкивается с активным противодействием служителей «князя бесовского». На святого Стефана, например, страшно восстали кудесники Пермские и особенно «некий волхв, чародеевый старец, лукавый мечетник, нарочит кудесник, волхвам начальник, обавникам старейшина, отравникам больший, иже на волшебной хитрости всегда упражнялся, имя ему Пан-сотник, его же древние пермяне некрещеные чтили паче всех прочих чаровников, наставника и учителя себе нарицающе его». Основная мысль, которую внушал «некрещеным пермянам» этот «лукавый старец», стремясь дискредитировать миссию Стефана Пермского, содержала весьма весомый аргумент: «не слушайте Стефана, иже пришедшего от Москвы: от Москвы может ли что доброе быти нам? Не оттуда ли нам тяжести быша, и дани тяжкие, и насильства... Сего

* Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный. М., 1998. С. 197.

ради не слушайте его, но меня паче послушайте, добра вам хотящего: аз бо есмь род ваш, единая земля с вами, и едино колено, един язык...»

Перед святителем Стефаном стояла непростая задача – пробудить доверие к своей миссии, расположить народ к принятию письменности как верного средства к утверждению веры христианской. «Но принести к ним «грамоту московскую» значило дать врагам сильное оружие против себя*». И святой Стефан предлагает народу пермскому такую грамоту, которая не представляет собой ничего «нового, чуждого, опасного, но знакомое им с детства»**. Речь идет об использовании в виде букв упомянутых выше изображений («пасов»), применявшихся также в местных языческих календарях и служивших метками собственности. Эти письма, изобретенные Стефаном, незаметным образом сближали пермские «пасы», а позже и лопарские «тамги» с русской азбукой и много способствовали тому, чтобы ближе познакомить и помирить те земли языческие с Московией. В этом и состояла великая мудрость первоначальной необходимости создания «примирительной» пермской азбуки Стефаном, равно как и лопарской Феодоритом.

Оба просветителя сделали несколько переводов на язык аборигенов, но эти переводы ограничились самым необходимым и немногим. Так, «пермские письма», изобретенные Стефаном, употреблялись только там, где

* Савваитов П. И. О Зырянских деревянных календарях и о Пермской азбуке, изобретенной святым Стефаном. М., 1873. С. 13.

** Надо сказать, что и Первоучитель словенский св. Кирилл также воспользовался прежде него употреблявшимися знаками.

народ мог видеть их, например на иконах. Потому практически ничего и не сохранилось из написанного «пермскими буквами», изобретенными Стефаном*, и «канули в Лету» письма Феодорита, созданные на основе лопарского алфавита, равно как и его же иные труды: «письмена для карельского языка русского философа Феодора из Кандалакши».

Тем не менее труднейшая задача христианского просвещения, крещения и в какой-то мере обучения грамоте целого языческого племени лопарского Феодоритом была успешно решена. Следует особо подчеркнуть, что в этом подвиге равноапостольного служения Феодорит подвизался в тесном соработничестве с преподобным Трифоном, когда они именно *пребывали вкупе*. И потому абсолютно правдиво «писанное самовидцами» в Житии преподобного Трифона свидетельство о том, что «новопросвещенные народы лопарские от усердия своего от имений своих... земли, и озера, и реки, и морские угодия подавали и письменными заветами утверждали»**. Кто же, как не Феодорит, обучил диких лопарей составлять письменные договоры («писания»)? В начале 30-х годов XVI века места эти были еще весьма пустынные, Трифон же о себе свидетельствовал, что «невежда... и малокнижен есмь».

* Из переведенных свт. Стефаном на пермский язык Часослова, Псалтыри, чтений из Евангелия и Апостола, Паремий, Октоиха, Литургии и некоторых иных служб сохранились лишь «Зырянская неполная азбука (Румянц. музей № 360) и список Литургии (Библиот. Общ. Ист. и Древ. № 99)». См.: Книга, глаголемая описание о российских святых (Репринт., 1888). М., 1995. С. 70.

** Житие прп. Трифона. С. 102.

С самого начала своего служения на Новгородской кафедре святитель Макарий проводил настойчивую работу по материальному и духовному возрождению монастырей Новгородской епархии. Так, например, Владыка обращается с посланием к Великому князю, прося поддержки и призывая «показать ревность о новгородских обителях»*. Сохранилась грамота, данная Макарием Новгородскому Духовскому монастырю, в которой предписывается неукоснительное совершение богослужений, поминовение вкладчиков, обязательное наличие игумена и строгое послушание ему со стороны братии. Безусловно, «такие же грамоты посланы были и в другие монастыри»**.

Подобные наставления получил и Феодорит, когда, покинув своих друзей-«заволжцев» и приняв *от богатых некоторых немало серебра в воздаяние Господу*, уже не один, а с некоторыми другими он вновь отправился на Крайний Север в район Колы. И здесь, в 1540 году, *на устье предреченной Колы реки созидает монастырь, ставит церковь во имя Пребезначальной Троицы и, собрав братию, дает им Устав*. Устав этот, или правило священное, с одной стороны, предусматривает принципы общежительного монастыря (киновии), а с другой – полное *нестяжательное жительство* и добывание пищи только своими руками. Как учит апостол Павел: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фес. 3, 10) и чтобы *нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии* (Деян. 20, 34).

* Архим. Макарий. С. 9.

** Лебедев Н. Макарий, митрополит Всероссийский (1482–1563). М., 1887. С. 44.

К этому времени Феодорит уже в совершенстве знает лопарский язык – до такой степени *искусен уже был языку их*, что обучает лопарей Писанию. И, конечно же, активно внедряет разработанную им саамскую письменность в лопарских семьях, толкуя им смысл священных текстов и основных молитв, что перевел он с церковнославянского на лопарский язык.

Таким образом, многих язычников *оглашает к пути спасенному* и вскоре просвещает их Святым Крещением. И, более того, многие из новокрещаемых лопарей проявляют большую тягу к монашескому житию, удивительно ясно чувствуя пути стяжания благодати Христовой и всем сердцем усваивая истины христианского учения.

За несколько лет монастырь становится центром христианского просвещения в этом районе Лапландии. *И распространилась во всем том народе проповедь Евангельская.* Здесь, в монастыре на реке Коле, воплотилась в жизнь мечта Феодорита – он ввел служение на лопарском языке, что было необычайно важно, поскольку в то время основная масса братии состояла из лопарей: *множество от них монашеское житие возлюбили за благодатию Христа нашего и Того Священного учения.*

Место, где были построены монастырь и его Троицкая церковь, – ныне не существующий Каменный мыс. «Река Кола впадала прежде в губу, протекая между северным краем города и низменным мысом, выдававшимся от восточного берега губы, на коем стоял древний монастырь Святой Троицы»*. В XVIII веке, около 1750 года, мыс этот

* Рейнеке М. Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии. СПб., 1830. С. 2.

превратился в Монастырский (или Каменный) остров в устье реки Колы*. Тогда Кола в своем устье изменила русло, что и привело к образованию этого острова. В дальнейшем шел постоянный процесс постепенного слияния острова с материковым берегом там, где стоял Кольский острог (укрепление)**. Процесс этот, надо полагать, был не быстрым, поскольку еще в 1795 году о церкви, стоящей на месте монастыря, сообщалось: «кладбищенская, теплая.. за Колою рекою, во имя Пресвятыя Троицы»***. Сейчас часть территории того первоначального мыса, а затем острова, занимает городское кладбище Колы. «Соловецкий архимандрит Феодорит построил монастырь Святой Троицы при устье реки Колы, где ныне кладбище»****.

Тому, кто ныне хочет побывать на месте древней церкви этого Феодоритовского монастыря в Коле, ориентиром может послужить недавно обнаруженная на Кольском кладбище могила протоиерея Георгия Терентиева, который был захоронен у алтаря этой церкви, с восточной стороны.

* Козьмин Н. Распространение Христианства среди лопарей // Архангельские епархиальные ведомости. 1900. С. 74.

** Данное изменение рельефа – общая тенденция на Крайнем Севере. Приблизительно в середине XVIII века «река проложила себе прямой путь, отрезав упомянутый мыс от матерого берега, и образовала островок, на коем ныне находится кладбище. Прежнее же устье, между кладбищенским островом и городом, завалило камнями и оно почти совершенно высохло» (Рейнеке М. Ф. Описание города Колы в Российской Лапландии. СПб., 1830. С. 2). См. также: «...Весь массив Фенноскандии, в том числе и Кольский полуостров, испытывает постепенное поднятие» (Крепс Г. М. Путешествие в среднюю Лапландию... Т. 1. А., 1925. С. 18).

*** Любопытный месяцеслов на лето от Р. Х. 1795. М., 1795. С. 171.

**** Сын Отечества и Северный Архив. СПб., 1830. № 11. С. 307.

С возвращением иеромонаха Феодорита в Колу и началом монастырских служб отпала необходимость в кольском приходском священнике. Скорее всего, сам Феодорит и привез отцу Василию (будущему святому Варлааму) указ Новгородского Преосвященного о назначении его настоятелем в родное село, в керетскую Свято-Георгиевскую церковь. Много о чем хотел рассказать и о чем посоветоваться со своим духовником отец Василий, ибо немало духовных браней и искусительных обстоятельств пришлось пережить ему за эти годы пастырского служения.

Поведал он старцу и о своей схватке с могучим бесом, древнем демоне, испокон веку обитавшем на скале Абрам-мыса, что запирает выход из Кольского залива. Тот злобный дух нечистый, прикормленный у древнего языческого капища на мысу, требовал приношения жертв у каждого, кто следовал мимо него, уходя в море на промысел. Непокорным же грозил лукавый погибелью, и, надо сказать, нередко угрозы те исполнялись. Когда же узнал Василий о том, что и многие из крещеных рыбаков начали поддаваться страху бесовскому, пытаясь ублажать «нечистого» пожертвованиями, он «возмутился духом» и, взобравшись на скалу, дерзновенно заклял мерзкого беса и изгнал его от места сего на вечные веки. Демон ушел, но, покидая древнее капище, дух нечистый пообещал Варлааму, что «тот его еще вспомнит».

Этот рассказ глубоко опечалил Феодорита и наполнил сердце тяжелыми предчувствиями, ибо не по чину белому священнику вступать в схватку с духом нечистым. То удел монашеский, да и далеко не всякому иноку это по плечу.

Тем временем наступило выдающееся событие в истории Великой Лапландии – крещение в один день двух тысяч лопарей. Учитывая малую плотность населения на территории Лапландии, становится очевидным, что этому должно было предшествовать нечто такое, что могло так радикально повлиять на столь единодушное решение аборигенов края.

И, действительно, Феодоритом были явлены великие чудеса и знамения, яко глаголет божественный Павел: *«суть знамение не для верующих, а для неверующих»*. Как свидетельствуют летописи, в это время, в 1542 году, в здешних краях произошло явление, вовсе нехарактерное для этих мест, – сильное землетрясение. *«В 7050 году было великое трясение земли... горы и леса тряслися»**. В этой связи вспомним: *«И, по молитве их, поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого и говорили Слово Божие с дерзновением»* (Деян. 4, 31).

Тогда наученных от него и оглашенных Лоплян единого дня крестилось яко две тысячи человек со женами и детьми. Такое дело он, блаженный, апостолам подобный муж, совершил во глубоких варварах, за благодатию Христовой, трудами своими.

Великие духовные дарования кольского старца и необычайные способности чудотворений засвидетельствованы его духовным сыном Андреем Курбским: *«Воистину не только от достоверных мужей о том я слышал, но и*

* Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. М., 1836. С. 25. «Августа в 4 день, в первом часу дни бысть трясение земли великое» (Соловецкий Летописец конца XVI века // Летописи и хроники. М., 1981. С. 235).

очами своими видел, и над самим собою искусив, и многие бывшие со мной благодеяния от его святости приключились, понеже исповедник он мне был и премногую любовь ко мне имел.

Силою благодати Святого Духа Феодорит совершал великие чудеса. Подвижник *исцелял недужных, очищал прокаженных*, имел удивительный дар пророчества и мудрости духовного наставления. Он обладал способностью, общаясь с неверующими и закореневшими во грехах людьми, пробуждать в их сердцах неодолимое желание покаяния, сильное и ясное стремление к освобождению от *сетей дьявольских*, к очищению души от *мрака греховного*.

Уровень святости кольского старца позволяет нам сравнить его с великими столпами христианской веры. Богоглаголивый апостол Павел «был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 4). Также и преподобный Феодорит *удостаивался восхищению в самые обители небесные, где видениями неизреченными Бог посетил его*. Мы помним великие чудеса, которые творили такие избранники Божьи, как святитель Николай Чудотворец, преподобный Серафим Саровский, которые могли перемещаться в пространстве «в теле ли – не знаю, вне тела – не знаю: Бог знает» (2 Кор. 12, 3). Равным образом и Феодорит Кольский, чудотворец силою благодати, дарованной нам в телесном Воскресении Христа Спасителя, мог преодолевать *дебелость тела и падшесть человеческого естества, и в теле тленном суца, бестелесными и невестественными был почтен достоинствами*, и мог совершать даже *аэроплавательные хождения*.

Весной 1545 года к Феодориту в Кольскую обитель из Керети на покаяние пришел поп Василий. Феодорит с трудом даже узнал его, так постарел и изменился его духовный сын. Тяжкий грех убийства своей супруги, столь горячо любимой матушки, невыносимой ношей давил его к земле и толкал к отчаянию. Увидев Феодорита, припал он к ногам своего старца, «повествуя об убийстве и прося прощения, слезами землю омакая о содеянном им в ярости и невоздержании»*.

Что мог сказать Варлааму блаженный Феодорит Кольский, выслушав горькую исповедь своего духовного сына? Каков промысел Господень в сем столь крепком испытании, попущенном Варлааму, сумел прозреть этот духоносный старец? Что покроеет тяжесть содеянного и есть ли такая епитимия**, что уврачуе разрушительную силу греха убийства супруги? Феодориту было совершенно очевидно, что здесь совершилась подлая месть бесовская, проявившаяся во внезапном бесновании, так тяжело поразившем матушку, и гнусное демонское коварство, нежданно приведшее Варлаама ко греху убийства супруги в момент попытки «изгнать из нее духа нечистого» с помощью чина отчитки.

* «Канон преподобному Варлааму Керетьцкому, новому чудотворцу». Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. № 292. Л. 420 об. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Канон прп. Варлааму. – *Прим. ред.*)

** Епитимия – (греч. ἐπιτίμια – наказание). Означает добровольное исполнение покаявшимся христианином назначенных духовником тех или иных дел благочестия (усиленного поста, молитвы, паломничества) или иного «врачевания духовного».

Но Феодорит прозревал и иные глубины великого Божьего Промысла во всем произошедшем, неизбежно претворяющем всякое зло в добро. И надо было быть действительно великим Старцем, чтобы иметь дерзновение пред Господом назначить Варлааму ту небывалую епитимию, которая потрясет сознание современников и, пройдя сквозь века, оставит потомкам непревзойденный пример того, как сила покаяния побеждает силу греха.

Кольский старец повелел Варлааму возвращаться в Кереть, откопать тело своей супруги и вместе с ним (и с ней) идти в море на покаяние. «Дает он Варлааму иго легкое – мертвого носить во гробе, покуда не изгниет тело умершее. Самому ж в посте и молитве пребывать и таковое воздержание иметь, что рыбу только единожды на Пасху вкушать»*.

Назначая Варлааму такую немислимую епитимию, Феодорит глубоко сознавал всю силу своей власти как духовного отца, равно как и тяжесть ответственности перед Господом за спасение душ своих духовных чад. Феодорит чувствовал, что его духовническая власть над усопшим чадом не прерывается со смертью последнего. Переход матушки в иное, загробное состояние не отменяет духовных законов Евангелия, которые ясно говорят нам, что не зависимо от того, «живем ли, или умираем, – мы всегда Господни» (Рим. 14, 8).

По той же причине есть и мистическая возможность задержать закон разделения жизни и смерти в том случае, если единство жизни возникло не самочинием, а через

* Канон прп. Варлааму. Л. 420 об.

подлинно духовное соединение во Христе Иисусе. «Мы члены тела Христа, мы от плоти Его и от костей Его. Посему... человек прилепится к жене своей, и будут двое в плоть единую» (Еф. 5, 30, 31).

Феодорит полагал, что равноангельское духовное житие и то глубокое единство во Христе, коего сподобились стяжать Варлаам и его жена и которое он мог наблюдать в этой удивительной христианской паре при их земной жизни, позволят им преодолеть разделяющую силу смерти и продолжить свой совместный подвиг во искупление попущенного им от Господа греха убийства.

Принимая покаяние Варлаама, Феодорит назначал ему столь тяжкую епитимию с расчетом на помощь, которую окажет ему его верная жена. Усопшая матушка брала на себя часть тяжести епитимии, данной Варлааму, поскольку незахороненная ее плоть, по мысли Феодорита, не давая упокоения душе, вынуждала душу оставаться рядом со своим телом и, страдая вместе с Варлаамом, укреплять и поддерживать его*.

Главное же было то, что Кольский старец Феодорит брал теперь на себя особый подвиг сугубого молитвенного предстояния Господу за своих, страждущих ныне, духовных чад. Все происходящее ныне с Варлаамом в суровом северном море проходило через его сердце,

* Более обстоятельно богословское обоснование этой епитимии и глубинной сути подвига преподобного Варлаама Керетского будет разобрано нами в книге о преподобном Варлааме Керетском, которая в настоящее время готовится к печати.

отзывалось болью в душе и покрывалось силой чистой молитвы Святого.

Три года странствовал Варлаам, совершая свой покаянный путь из Керети в Колу и обратно. По двенадцать «путей» от Керети до Колы и назад, каждый год. Ежемесячно одолевал Варлаам 540 морских миль пути, или тысячу сухопутных километров.

Каждый день проходил он восемнадцать миль, или тридцать три километра, на веслах, в любое время года, при любой погоде и всегда против ветра.

Рыбаки и промышленники, встречавшие этого одинокого скитальца в море, справедливо полагали, что земному человеку подвиг такой не под силу, и принимали уже его лодку за некое видение. И, действительно, как говорит тайновидец апостол Павел: «Есть тела небесные и тела земные: иная слава небесных, иная земных» (1 Кор. 15, 40). По преданию, такой тяжкий, постоянный труд – в течение трех лет «весла из рук своих не выпускаше» – привел Варлаама к горбатости.

Но Варлаам с верной своей матушкой все преодолели. Варлаам завершил свои скитания, явив чудесное заступничество пред Господом за всех северных мореходов, когда освободил их от страшного морского червя – «корабельного сверлила», что испокон века губил в штормовом море рыбацкие души, протачивая древесину поморских судов. И это великое чудо, совершенное Варлаамом у мыса Святой Нос, явилось свидетельством того, что во Вселенской Церкви Православной явлен новый святой – преподобный Варлаам Керетский, чудотворец.

В духовной радости направлял тогда Варлаам свою ладью под парусом от Святого Носа на запад, к устью «великой реки Колы»*, к Каменному острову, где стоял Свято-Троицкий монастырь, основанный восемь лет назад преподобным Феодоритом.

Однако столь чаемая встреча с духовным отцом не состоялась. Основателя и строителя монастыря старца Феодорита в обители уже не оказалось.

События, произошедшие в Коле незадолго до завершения Варлаамом своих морских мытарств, безусловно, глубоко символичны и, несомненно, стали ключевыми, определяющими дальнейшую судьбу многих их участников как в жизни земной, так и небесной.

Время этих событий – голодный 1548 год. Весной этого года «князь века сего» дал решительный бой святому старцу Феодориту.

Каждый подвижник, дерзнувший посягнуть на эти полуночные земли, на которых испокон веку безраздельно властвовали силы зла и тьмы, неизбежно должен быть всегда готов вступить в этот бой и выстоять в этом испытании. «Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять» (Еф. 6, 13).

Преподобный Трифон, например, прошел через эту злобу бесовскую в лице страшно восставших на него лопарей-нойдов, кебунов-колдунов, не только неоднократно

* Кольский залив в древности считался устьем впадающей в него реки Колы. Река Кола в те времена была чрезвычайно бурной и многоводной.

но избивавших его, но и пытавшихся сжить со света колдовством, натравливая диких зверей, волков и медведей, подмешивая отравленные зелия и прочие «неисповедимые дела ему пакости, таская за власы и о землю кидая»* и тому подобное творя.

Надо сказать, что если проповеднические труды Феодорита до этого времени были не столь драматичными, то на его долю к его семидесяти годам выпала, видимо, неожиданная для него беда, тяжкое душевное горе, когда вся братия его монастыря, все лелеемые им духовные чада, подстрекаемые и соблазненные бесами, восстали на своего игумена и учинили бунт. И, более того, избив святого старца, *выкидывают* его из обители. А в дальнейшем насильно изгоняют его *от страны той... от тех пустынь поневоле во вселенную*. Вот насколько нетерпима силам тьмы была благодать и святость, обильно изливавшаяся в эту землю, прежде *дикую и непроходную*, трудами великого старца Феодорита.

Но как же древний змий так ловко сумел ввести в искушение всю братию? Как же случились такое падение, такой грех, такая беда на пути спасения для всех иноков монастыря? Вот что об этом рассказывал сам Феодорит: *«Нетерпимо было древнему супостату человеческого рода завистливыми очами своими видеть столь возрастаемое здесь благочестие. И разьедаемый ненавистью враг начинает действовать. Он наущает новоначальных монахов из братии монастыря и шепчет невидимо в уши и глаголет им в сердце: „Тяжел и неподъемен вам путь,*

* Житие прп. Трифона. С. 99.

которым ведет вас игумен. Никто из человеков не может вытерпеть этот его Устав. Как это можно без имений жить и только своими руками хлеб добывать»? Когда же Феодорит ввел правило из Устава Зосимы и Савватия Соловецких, предписывающее: «Не только женам, а и скоту женского полу не бывать в обители»*, после этого сложившиеся с дьяволом монахи в неистовстве хватают старца святого и бьют нещадно, и не только из монастыря извлекают, но и от страны той изгоняют, как врага некоего. Это то, что касается непосредственных исполнителей воли невидимого режиссера этой трагедии.

Относительно же оценки этих событий в историческом, общецерковном плане надо признать – налицо все та же проблема, столь обострившаяся к середине XVI века. Это все то же разделение в церковной жизни между исповеданием духа подвижничества и истинного монашества и «духом мира века сего». Вот так внезапно на Коле наступили времена, когда монахи уже не представляли себе иноческой жизни без владения селами, землями, людьми, без торговых операций, оброков, поборов и сдач в аренду.

Это нападение бесовское, так внезапно охватившее братию и столь яростно обрушившееся на Феодорита, наводит еще на одно соображение сокровенного, мисти-

* Таким было завещание св. Зосимы, который запретил разводить вблизи обители плодящихся животных (согласно студийскому уставу) (См.: Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991. С. 37). «Со времен Зосимы скотные дворы находились на Муксолмском острове» (Крушельницкая Е. В. Описи строений и имущества Соловецкого монастыря XVI века // Книжные центры Древней Руси. СПб., 2001. С. 262).

ческого плана. Видимо, действительно жутко силен был тот демон древний, с которым вступил в смертельную схватку преподобный Варлаам. Страшный дух мрачной Похьелы – этой «страны ужасов и злого чародейства» в полной мере упивался своей победой над ненавистным керетским попом и не без оснований полагал эту победу окончательной.

Но случилось неожиданное: святой подвижник Феодорит Пустынный возложил руку Варлаама на свою шею и взвалил на себя тяжесть случившегося: «На моей вые согрешение твое, чадо. И да не истяжет тебя о сем Христос Бог»*. Небывалое дерзновение пред Богом явил великий старец Феодорит в той страшной данной им епитимии. Именно его мощная молитвенная поддержка, оказанная духовному сыну в столь невыносимой брани с «врагом рода человеческого», вновь жестоко посрамила древнего демона, коварство и зломудрие которого обратилось в «горящие угли на голову его» (Пр. 25, 22), и новый великий угодник и чудотворец явился людям, дивно прославив «Пречестное и Великолепое Имя – Отца, и Сына, и Святаго Духа».

И вот тогда, сложившись со дьяволом, монахи оные в неистовстве хватают старца святого и бьют нещадно, и не только из монастыря извлекают, но и от страны той изгоняют, как врага некоего.

* В древнерусских чинах исповеди встречается этот выразительный момент передачи грехов кающегося духовнику: «И руце того исповедающего на свою выю положити и всем грехом великим себя повинна сотворити» (Требник XIV века из собрания Гильфердинга. № 21, л. 5 сл. Цит. по: Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М., 2004. С. 75).

Размышляя над столь печальными событиями тех лет, нельзя недооценивать и влияние доминирующего в это время на Крайнем Севере Соловецкого монастыря. Как раз накануне, осенью 1547 года этот монастырь получает у царя Иоанна Грозного «Жалованную тарханно-проезжую, несудимую и заповедную грамоту» на беспошлинную торговлю, «провоз», «неподсудность» и прочие тому подобные льготы. Конечно же, об этом стало известно и в Свято-Троицком монастыре на Коле. Можно представить себе те неизбежные вопросы, которые братия стала задавать Феодориту: «Почему им можно, а нам нельзя?» Чем все это закончилось в следующем году, мы теперь знаем.

Практически аналогичные события осенью того же 1548 года происходят и в Соловецком монастыре. Торжественно благословленный на игуменство святой Филипп (Колычев) «неожиданно» оставляет игуменство и скрывается в пустыню.

С 1542 по 1548 год Соловецким монастырем управляют два игумена – Алексей (Юренев) и Филипп (Колычев), неоднократно сменяя друг друга. «Алексий с Филиппом игуменство держали переменяясь»*. «Анализ исторической ситуации, сложившейся в Соловецком монастыре в 40-х годах, показывает, что в среде братии происходит острая борьба между апологетами различных направлений развития обители»**.

* РНБ, Соловецкое собрание рукописной книги, № 1120/1129.

** Описи Соловецкого монастыря XVI века. СПб., 2003. С. 10.

Поздняя редакция Жития святителя Филиппа обходит в комментариях эту неприятную страницу монастырской жизни и ограничивается оговоркой об «украшенности игумена от юности смирением». Составленный в монастыре уже после «Соловецкого сидения», этот вариант Жития в полной мере отразил то, как была изжита книжная память о глубинных причинах и истоках трагедии русского раскола. Раннее Житие Святителя, писанное Сергием Шелониным, сохранило подлинные слова Филиппа, которые раскрывают нам истинную причину его отказа от игуменства: «Нуждою мя братия на старейшинство возводите, не прежде ли еще рек я вам, яко ваши нравы моим нравам не согласуются?»*

Касаясь упомянутой истории с избранием Филиппа на игуменство, будет справедливым заметить, что «в этом эпизоде мы имеем зародыш того конфликта, который проявился 20 лет спустя, во время суда над митрополитом Филиппом, когда группа соловецких чернецов свидетельствовала против своего бывшего игумена»**. Таким образом, можно говорить все о том же глубоком принципиальном отличии духа монашеской жизни, что пришел на смену «нестяжательству» и по-хозяйски обосновался в русских монастырях к середине XVI века. И тут речь идет не просто об иных формах ведения монастырского хозяйства,

* См.: Сапожникова О. С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 370.

** Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991. С. 34.

а о смене самых начал монашеской идеи, о разногласиях в пределах самого спасительного делания.

В этой связи весьма показательным является тот факт, что даже двадцатилетний срок игуменства Филиппа, столь благополучный и цветущий пышным «стяжанием», не уврачевал внутреннее духовное противостояние в среде братии. Разделение так и не было преодолено, поскольку по-прежнему «ваши нравы моим нравам не согласуются», ибо «столкнулись два религиозных замысла, два религиозных идеала»*.

История жизни святителя Филиппа, надо сказать, удивительно напоминает жизненный путь Феодорита. В житии Святителя мы видим то же послушание у старца с ранней юности в монастыре, позже удаление в пустыню, где «провел он не мала лета», замечательные внутренние качества, богатые дарования и при этом неизменное «искание смиренной нищеты». И абсолютно неизбежная схватка с «духом мира», «брань с князем века сего», позже для Филиппа увенчавшаяся венцом мученика.

Когда весной 1548 года изгнанник и страстотерпец** Феодорит покинул Колу и ушел *из тех пустынь по неволе во вселенную*, он сначала, конечно же, прибыл в Москву и поведал святителю Макарию, в то время

* Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 17.

** «Страстотерпцы» – те, которые претерпели страдания во имя Господа по коварству и клевете ближних своих – единоверцев» (Дьяченко Григорий, протоиерей. Полный церковнославянский словарь. М., 1993. С. 671).

уже митрополиту Московскому и всея Руси, обо всем, что приключилось с его Свято-Троицким монастырем. Несомненно, должен был произойти обстоятельный разговор, много о чем нужно было поразмышлять и владыке Макарию, выслушав рассказ Феодорита о ситуации на самых дальних рубежах России.

Позиции старчества заволжской, «нестяжательской» школы в это время были еще весьма сильны, и государство вновь размышляло о судьбе церковных владений и монастырских земель. Ситуация складывалась серьезная – колоссальные пространства, около трети всех земель Российских через грамоты, пожертвования, завещания, вклады и тому подобное перешло в церковное владение.

При этом не секретом было и то, что церковная и мирская власть вплотную столкнулась с крайним духовным неблагополучием, которое неумолимо продолжало нарастать в новых, общежительных монастырях, развращаемых богатыми земельными владениями и иными имениями. Святитель Макарий, пользуясь всецелым доверием и любовью со стороны двадцатилетнего царя Иоанна IV, в это время наиболее активно и плодотворно действовал в интересах обновления Церкви. Выдающиеся по своему значению Соборы, которые готовились Святителем вместе с Царем, должны были соборным церковным разумом дать ответы на те непростые вопросы, что неумолимо встали перед Русской Церковью, самоотверженно пытающейся достичь желанной «симфонии» с государством.

Феодорит же тем временем отпросился у владыки Макария вновь отправиться на Север, к любимым своим лопарям. И Святитель благословил его приступить к

окормлению монастыря в Кандалакше. Речь идет о Рождества-Богородичном Кокуевом монастыре, что «в Канда-лошской губе на усть реки Нивы, над морем на наволоке»*. Здесь, в Кандалакшской волости, любезной ему еще с тех давних лет, когда освятил он в 1526 году первую Предтеченскую церковь, укрылся он от мести нечистых духов Кольского Севера. *И бывает два года игуменом в малом монастыре в Новгородской земле лежащем.*

В это время Варлаам, конечно же, искал встречи со своим духовным отцом, поскольку все те явленные Господом знамения прощения и ясные указания об исполнении данной епитимии требовали тем не менее снятия ее тем духовником, который ее назначил.

И эта его долгожданная встреча с Феодоритом произошла летом 1548 года в Кандалакшском монастыре, куда добрался Варлаам по морю, вновь проделав свой знаменитый путь из Колы в Белое море. О чем теперь мог быть разговор духовника с Варлаамом, после стольких испытаний и судьбоносных событий? Конечно же, о дальнейшей его судьбе, о новом его пути служения Господу, о совершении столь необходимого теперь Варлааму монашеского пострига. Варлаам рассказал Феодориту и о том полном упадке и запустении, что поразили Свято-Троицкий монастырь после изгнания отца-настоятеля, и о том, что

* Из Писцовой книги 1608 года. Цит. по: Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 459. Также: «Незащищенное селение с небольшим монастырем. Жители кормятся от моря вместе с монахами и их слугами» (Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 63).

братия, покинув Каменный остров в Коле, направилась в сторону Печенги.

Известие о том, что монахи Свято-Троицкого монастыря ушли из Колы на Печенгу к Трифону, дабы строить там «монастырь нового типа», глубокой скорбью и тревогой отозвалось в сердце Феодорита. Он хорошо понимал, какое испытание выпало ныне его ученику и духовному чаду. Зная непростой характер печенгского старца, и при нынешнем настрое «буйной кольской братии», можно было представить, во что, в конце концов, все может там вылиться.

И тогда Феодорит предлагает Варлааму отправиться на Печенгу к Трифону, дабы поддержать его и попытаться мирно разрешить эту сложную ситуацию. Феодорит хорошо чувствует особые дары благодати, что стяжал Варлаам, и очень рассчитывает на дарованную ему ныне очевидную молитвенную силу на «нечистые духи» и на исцеление от власти тяжких страстей.

Варлаам смиренно принимает это благословение своего духовного отца и отправляется в Печенгу, на помощь к Трифону: «Видел созидаемую святым Трифаном обитель на Печенге, за окияном-морем, и туда устремился видеть того труды и подвиги»*.

Мятежный, «немирный» дух братии, тяжко согрешившей против своего игумена и духовного окормителя, преподобного Феодорита, мягко говоря, не соответствовал молитвенно-созерцательному

* Канон прп. Варлааму. Л. 416.

духу Свято-Троицкой обители, что сложился в монастыре на реке Мане. Новая «лихая» братия, да еще и *сложившаяся с дьяволом*, имела свои взгляды и планы по развитию монастыря на Печенге, что никак не вписывалось в те духовные цели и задачи, над воплощением которых успешно трудился уникальный лопарский монастырь преподобного Трифона.

До недавнего времени мы могли только догадываться, сколь тяжкое искушение выпало тогда для преподобного Трифона и какие страсти кипели в тот год на Печенге вслед за Колой. Житие преподобного Трифона было отредактировано и потому оказалось столь не соответствующим ныне обнаруженному «Канону преподобному Трифону Печенгскому чудотворцу» письма соловецкого книжника Сергия Шелонина. В Житии уход Преподобного с Печенги на целых восемь лет объясняется тем, что количество «братии умножилось» и Трифон ушел собирать милостыню. «Канон...» раскрывает истинную причину вынужденного ухода самого строителя монастыря из своего монастыря: «Лукавые люди тебе спону [препятствие, сопротивление] бесовским советом учинить захотели или же тебя смерти предать»*.

«Лукавые люди» – люди злые и коварные, но в данном случае это еще и люди «лукавого». Эта характеристика перекликается с оценкой этой ситуации, которую ранее

* Канон преподобному Трифону Печенгскому чудотворцу. Рукописное собрание Псковского музея-заповедника. Ф. Никандровой пустыни. № 292. С. 95 об. (В дальнейшем ссылки на это издание будут обозначаться: Канон прп. Трифону. – *Прим. ред.*)

давал еще Феодорит: *сложившиеся с дьяволом монахи те вознеиствовали*. Пришедшая буйная братия попыталась подмять под себя Трифона и его обитель, навязывая ему свое, новое видение монастырского строительства и жизни монашеской.

Но надо хорошо понимать, кто такой Трифон Печенгский. Поступить с ним, как поступили с почти семидесятилетним старцем Феодоритом, то есть избить и выкинуть из монастыря, – вряд ли бы кто на это отважился. Трифон вовсе не Феодорит, ярость и неукротимая сила «Трифона во гневе», – это притча во языцех, и она была всем памятна еще со времен его атаманского прошлого. Исполинская сила этого сурового отшельника отдельно отмечается в Житии, что, надо сказать, вовсе не характерно для агиографических традиций. «Ростом святой не мал, нагиб, плотию крепок... За три поприща на раменах своих бревна и все потребное на церковное строение носил». Что такое носить пяти-шестиметровое бревно на плечах за пять километров – в комментариях не нуждается. Такое бревно одному просто и поднять-то невозможно.

И если, проповедуя Евангелие тщедушным лопарям, этот богатырь-воин, которого они «за власы таскали, и о землю метали, и били, и пихали», во многом подкупил их именно своим смирением и терпеливым незлобием, то в данном случае он ни уходить, ни смиряться не собирался. Так что вариант оставался для пришельцев один – убить Трифона. И, возможно, не было бы у нас славной истории Трифоновского монастыря XVI века, если бы мудрый старец Феодорит не прислал в это время на Печенгу преподобного Варлаама Керетского.

Преподобному Варлааму с прибытием на Печенгу стала очевидной та смертельная опасность, которой подвергся Трифон с приходом «новых русских» монахов. О том, что опасность исходила именно от братии, а не от каких-то случайных разбойников, ясно говорят заключительные строки тропаря из «Канона преподобному Трифону»: «...ты же яко Моисей, манною питать их не престаешь, пока всех сих и в благоразумие не привел»*. Понятно, что «в благоразумие привести» возможно, лишь противопоставляя злу – добро, ненависти – любовь, бунту – смирение. И действительно, по Житию, Трифон, покинувший Печенгу на восемь лет, так же, как Моисей, не оставил в гневе и обиде свой народ, и «пребывая нищим и просителем, от града во град, и от веси в весь странствуя, все что испрашивал милостыни, в монастырь свой на пропитание братии посылал»**.

Варлаам после своего прибытия на Печенгу довольно скоро, как говорится, дал свою оценку всему, что он там увидел. «И пребыв некоторое время, пророчески тому о составлении [о составе] обители прорек», – то есть произнес свое пророчество о собравшейся у Трифона братии. «О, Трифане, сподобился еси обитель воздвигнути и братию собрать, но будут люди и села зло неукратимы, яко дикие звери, твоей ярости и острожелчию [гневливости] подобящиеся».

Надо понять, что суть сказанного Варлаамом есть не просто констатация факта увиденного им тяжкого духов-

* Канон прп. Трифону. Л. 95 об.

** Житие прп. Трифона. С. 111.

ного неблагополучия, поразившего собравшуюся к 1549 году на Печенге братию. Преподобным Варлаамом Керетским чудотворцем произнесено именно пророческое слово, Духом Святым возведено некое Божественное установление, которое определит всю дальнейшую судьбу этого Трифоновского детища. Вся эта «неукротимость» братии, ее «ярость и гневливость», по слову Варлаама, есть наказание Трифону от Господа, тяжкий крест в воспоминание и искупление им своих диких страстей и страшных грехов разбойной юности. Именно потому они так ведут себя, «яко дикие звери», потому они так страшно «неукротимы», что «твоей [Трифон] ярости и острожелчию уподобляются».

Варлаамово пророчество в полной мере исполнилось в судьбе Печенгского монастыря. Трифон вынужден был принять Божью волю, изреченную Варлаамом, и, смирившись, покинуть ставшие родными печенгские берега. Вместе с Варлаамом он отправился морским путем в Канадалакшу, к старцу Феодориту Кольскому.

Лишь спустя восемь лет он вернется сюда, на Печенгу, но уже с новым игуменом – Гурием, на имя которого будет дарована монастырю Жалованная грамота, что откроет обители путь к небывалому процветанию, равно как и к грядущей ее «от острия меча» гибели.

Итак, великие святые Крайнего Севера шли морем вокруг всего Кольского полуострова, огибая громадную территорию Великой Лапландии, что лишь спустя четыреста пятьдесят лет станет называться Мурманской епархией Московского Патриархата. Варлаам и Трифон прошли всё ее морское побережье, соединив

морем крайние точки – Печенгский и Кандалакшский монастыри.

Согласно с Житием, вместе с Трифоном из монастыря ушли «некоторые от братий». Кроме Варлаама, надо полагать, это был неизменный спутник и сопостник Трифона иеромонах Иона и послушник Герман.

Напомним, что все эти святые Кольского Севера держали путь к своему учителю и духовному отцу – Феодориту Кольскому. Этот удивительный морской поход очевидным образом в своей первопричине имел некую глубокую мистическую основу. И, несомненно, центральной фигурой здесь выступает Варлаам Керетский, исполнивший благословение преподобного Феодорита. Именно совершение им того абсолютно беспримерного трехлетнего подвига позволило в дальнейшем реально повлиять на ситуацию в Печенгском монастыре и совершить это, имеющее явно глубокое духовное значение, путешествие вокруг Кольского Севера.

Морская стихия Крайнего Севера, казалось, всячески содействовала этому удивительному плаванию: «Море убо на плещу [на плече] своем тебя носяще из Печенги, влеком [увлекая] корабли своими струями, от ядовитых червей тобой очищенными»*. Но наиболее значимым событием, произошедшим в ходе этого плавания и имеющим исключительное значение для сокровенной истории древнего Кольского края, явилось продолжение той духовной брани, что столь не шуточно вел здесь Варлаам с силами князя тьмы. «Видя по тоням телеса мертвых, восстающих бесов-

* Канон прп. Варлааму. Л. 416.

ским действием, сим уснуть до Христова второго пришествия повелеваеши»*. То есть в этот свой последний морской «путь» из тех бесчисленных «путей», что совершил за три года Варлаам, он вместе со своими духоносными спутниками совершает еще один удивительный подвиг. Силою Господа Иисуса Христа они соборно запрещают отныне восставать мертвецам, тем, что издревле наводили страх на рыбаков-поморов, промышляющих на многочисленных рыбацких «тонях»**, которые в изобилии существовали на всем побережье Кольского полуострова.

В 1549 году «в Кандалошской губе на усть реки Нивы на наволоке» состоялся этот уникальный Собор Кольских святых. К великому старцу Феодориту Кольскому прибыли в гости все его духовные чада. На знаменитой «Варлаамьевой лодье» в Рождества-Богородичный Кандалакшский монастырь кроме Варлаама Керетского прибыли Трифон Печенгский, Иона Печенгский и Герман Печенгский.

В этом событии можно увидеть не только некий итог, но во многом даже и апогей того удивительного и яркого явления православной старческой святости как высшего расцвета христианской духовности на Русском Крайнем Севере. Ни раньше не сохранила история этих земель подобного сонма святых имен, ни позже не возгорели больше здесь столь яркие светильники веры.

* Канон прп. Варлааму. Л. 416 об.

** Тоня – место рыбного промысла, участок, на котором стояла жилая изба с амбаром и иными необходимыми постройками для длительного проживания при сезонном лове рыбы.

Так чудно собравшиеся вместе великие подвижники этой, некогда дикой, Великой Лапландии к тому времени в полной мере являли уже собой как вполне состоявшихся, умудренных годами и убеленных сединами старцев, так и подвижников, находящихся еще в достаточной крепости духовной и силе телесной.

Каждому из них предстояло еще много потрудиться на ниве Христовой, ибо всех их Господь наградил удивительным долголетием.

У преподобного Феодорита Кольского впереди были еще 22 года служения Господу. Ему предстояло еще испытать и скорбь несправедного обвинения и понести тяготы незаслуженного осуждения на ссылку. Он достигнет славы и почета как «премудрый философ», отстаивавший высоту российского богословия перед гордыми греческими иерархами. Сподобится почестей и великих милостей царских за успешное выполнение знаменитой «Константинопольской миссии» 1557 года. И до конца дней своих духовно окормляя Печенгский и Кандалакшский монастыри, достигнет блаженной кончины, отойдя ко Господу в возрасте 90 лет.

Преподобный Трифон Печенгский проживет еще 34 года. После этой встречи в Кандалакше он на восемь лет уйдет странствовать по монастырям и пустыням. Он будет присматриваться, как решают отцы-настоятели заволжских монастырей непростую задачу «духовной переплавки» нового монашества силою святости духовноносных старцев, как устраивают они монашескую жизнь в изменившихся условиях. Печенгский старец вернется

в обитель в 1557 году, уже получив столь «вождевленную» для братии царскую Жалованную грамоту. Он примет на себя тяжкий крест духовного окормления монастыря «нового типа» и до конца своей жизни, несмотря на противодействие, будет делать все, чтобы не допустить гибели душ иноческих. Скончается Трифон в возрасте 94 лет, исполненный благодатной уверенности, что сделал все для того, чтобы братию свою монастырскую «Христу чистыми представить»*.

Преподобномученики Иона и Герман Печенгские. До их мученической кончины в декабре 1589 года еще целых сорок лет жизни. Преподобномученик Иона Печенгский явит всем нам удивительный пример великой мудрости всецелого смирения и отсечения своей воли. Пятьдесят лет этот инок-священник будет пребывать в вере и послушании у своего духовного отца – простого монаха Трифона. Великая тайна священнобесмолвствующих объединит их в Святом Духе, соединит их сердца в едином устремлении «туда, где нет ни смерти, ни тьмы, но вечный свет, где день един паче тысяч»**. Священноиннок Иона Печенгский вместе с послушником Германом Печенгским и после кончины преподобного Трифона не оставят своего послушания и продолжат служение при могиле святого старца, где и примут мученическую кончину во время Литургии в Успенской церкви в «отходной пустыни», что у Трифонова ручья.

* Канон прп. Трифону. Л. 95 об.

** Из предсмертных слов Трифона (Житие прп. Трифона. С. 113).

Преподобный Варлаам Керетский после этой встречи окончательно завершит свои морские скитания и вернется в Керетские пределы, в пустынь в Чупской губе, где вначале поселится на острове, у могилы своей матушки, а затем уйдет еще дальше от Керети, до самой смерти подвизаясь в подвигах поста и молитвы. По преданию, он «построит часовню, будет жить в пещере со зверями, проповедуя Евангелие лопарям и чуди». Он проживет дольше всех, как говорили в Керети, «будто бы до ста лет».

ГЛАВА Է

1551–1571 гг.

Время Стоглава. – «Во вселенной». – При дворе Иоанна. – Великий пример. – Небывалая грамота. – Константинопольская миссия. – Искусительные милости. – Царский выбор. – «На пути к Ледовому морю...». – «Философ из Кандалакии». – Кандалакша, как первая любовь.

Необычайно важными событиями в российской церковной истории открылась вторая половина XVI века. События эти оказали самое непосредственное влияние на судьбы нашего Собора Кольских святых. Пожалуй, лишь преподобному Варлааму, удалившемуся в Керетские пустыни, удалось счастливо избежать сего «водоворота мира», в то время как иным кольским отцам-пустынникам в полной мере пришлось в нем поучаствовать.

В июле 1551 года давний друг Феодорита по пустыни в Белозерье старец Артемий, стойкий «нестяжатель» и подвижник высокой духовности, был призван царем Иоанном Грозным из Комельского Введенского монастыря, где с 1548 года он был на игуменстве, и царским повелением поставлен во игумены Троице-Сергиевой обители.

Мы уже касались того обстоятельства, что высшая государственная и церковная власть на Руси, видя духовное неблагополучие, охватившее монастыри, пыталась исправить положение, привлекая к руководству обителями старцев-«нестяжателей». Эта политика совпадала с планами Иоанна Грозного еще при подготовке так называемого Стоглавого Собора, на котором он предполагал, опираясь

на теорию «нестяжательства», произвести секуляризацию монастырских земель.

Такова была причина избрания игумена Артемия. Эти же планы побудили Грозного призвать в Москву из Кандалакши и Феодорита, поставив его начальствовать в крупном Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале с возведением в сан архимандрита*. Произошло это в начале 1551 года. В это время *премудрый Артемий* имел наибольшее духовное влияние на Иоанна Грозного.

Упомянутые старцы изначально были вызваны в Москву в январе 1551 года царским повелением, возвещающим о созыве Собора, который войдет в историю под именем «Стоглавого». «Тут собрались все до одного святители Московской митрополии с честными архимандритами, игуменами, духовными старцами, пустынниками и множеством прочего духовенства»**. Так что вместе с Феодоритом на этом Соборе должны были присутствовать Трифон, Иона и Герман Печенгские.

Тяжкое духовное неблагополучие, поразившее к середине XVI века как церковную жизнь в целом, так и монастырскую в частности, поставило вопрос о принятии соответствующих мер противодействия этому небывалому упадку. «Чтение царских вопросов, предложенных Стоглавому Собору, может произвести в душе самое тягостное впечатление о тогдашнем состоянии нашей Церкви

* «Спасо-Евфимиев, в Суздале. Архимандриты: Феодорит Пустыжник 1551–1554 гг.» (Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. С. 664).

** Макарий. Кн. 4. Ч. 1. С. 125–126.

и народа»*. В то же время решения «Стоглава» в полной мере отвечали тому видению путей преодоления кризиса и уровню объединенной богословской мысли Церкви и Государства, что уже сформировались в России. В результате были приняты лишь строгие «организационные меры» и «предусмотрены суровые дисциплинарные воздействия к нарушителям» установленных церковных норм и порядка благочестия. То есть, другими словами, максимум внимания было уделено следствию, а не причине, внешнему, а не внутреннему. Потому и итог был весьма печален – произошла догматизация обряда. Подлинно богословской оценки глубинных причин деградации церковной жизни и монашеской духовности сделано не было.

Надо сказать, что друг Феодорита *преподобный и премудрый Артемий* недолго сумел выдержать пребывание в должности игумена Троице-Сергиевой обители, быстро осознав всю пагубу духовную от жизни в «стяжательном» монастыре того времени**. *И царя не послушав, отошел он в пустыню от того великого монастыря, многого ради мятежу от любостяжательных, издавна законопреступных, монахов.*

* Макарий. Кн. 4. Ч. 1. С. 130.

** «Пробыл на игуменстве он [Артемий] и видит, что душе не в пользу игуменство, и того ради игуменство оставил, хочет себе внимать, чтобы от Бога не погибнуть душою и Христовы заповеди совершити и евангельския и апостольския и от своих рук питатися, пищею и одеждою доволитися» (Жалобница Благовещенского попа Симеона // ЧОИДР. М., 1847. С. 23).

В отличие от Артемия Феодорит проявил больше стойкости и христианской любви к насельникам вверенного ему Спасо-Евфимиева в Суздале монастыря. Хотя, надо прямо сказать, столкнулся там с немалым упадком и нестроением в монастырской жизни. *Обрел там зело необузданных монахов, своевольно не по уставам и святым правилам живущих*, то есть с ситуацией, хорошо знакомой ему теперь по Кольскому краю.

И так же, как и на Коле, последовательная строгость Феодорита вызвала активное сопротивление со стороны монахов. Ситуация осложнилась еще и тем, что не найдено было понимания с епископом Суздальским и Тарусским Афанасием (князем Палецким). По словам Курбского, епископ Афанасий был подвержен сребролюбию и пьянству. Феодорит же *от рождения своего чист и непорочен; к тому же трезвость во все дни живота своего храняще*, испытывал явное давление со стороны владыки Афанасия.

Следует признать, что истоки этого конфликта появились значительно раньше. Владыка Афанасий до своего рукоположения во епископы, в период с 1537 года по 1551 год, был игуменом Кирилло-Белозерского монастыря. Как раз в это время Феодорит и встречался здесь с Артемием и иными «заволжцами», подвизаясь в пустынях этого монастыря. Именно старцы этих многочисленных пустыней, поддерживая устав Нила Сорского, противостояли упадку монашеского духа в самом монастыре, возглавляемом игуменом Афанасием*.

* Макарий. Кн. 4. Ч. 1. С. 74.

Когда же, в 1551 году владыка Афанасий и Феодорит одновременно появились в Суздальской епархии, прежнее противостояние переросло в новый конфликт. Конфликт настолько принципиальный, что не предполагал перспективы его преодоления и примирения.

Такое же положение сложилось и в целом в Русской Церкви ко времени Стоглавого Собора. Что-то надо было делать с негнибаемыми в своей чистоте и крепости духа «заволжскими нестяжателями», всей своей жизнью и даже внешним видом протестовавшими против духовного обнищания в церковной среде и не вписавшимися в новый порядок и «стяжательный» дух официальной Церкви.

Повод для судилища нашелся скоро. В 1553–1554 годах в связи со случаями возникновения в Москве протестантских ересей сначала в качестве свидетеля был вызван на Собор *премудрый Артемий*. Царь же Иоанн был в большой обиде на старца, самовольно оставившего игуменство в Троице-Сергиевом монастыре, и не пожелал оградить Артемия от несправедливых наговоров и последующего его осуждения. «Это было как раз после известной болезни Грозного и после знаменитой поездки его в Кириллов монастырь, когда поколебалось отношение царя к его прежним советникам»*. Сохранившиеся подлинные вопросы на суде и ответы Артемия ясно показывают, что решение по его «делу» епископатам церкви, по сути, было принято раньше и его аргументы в свою защиту принципиального

* Никольский Н. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре // Христианское чтение. СПб., 1900. С. 281.

значения уже не имели. Он был лишен сана и сослан в строгое заключение на Соловки. *Оковавши веригами железными, бьют неповинного святого мужа и отсылают в вечное заточение аж на Соловецкий остров.*

«Пребывати же ему внутри монастыря с великою крепостию... Заключену ж ему быти в некоей келье молчательной... Да пребывает без Святого Причащения навсегда...»*

Однако вскоре, уже в 1555 году, Артемию удалось бежать с острова, из этого «строгого» заточения, после чего он объявился в Литве. Всем было очевидно, что такой побег невозможен без влиятельных «соучастников». Но никому это не было поставлено в вину. Скорее всего, на то было молчаливое одобрение свыше. Никто, конечно, всерьез не мог считать «старцев-заволжцев» еретиками**. Но их сопротивление окончательной официальной линии Церкви как-то надо было прекращать. Выступившие в защиту Артемия его друзья старцы-«нестяжатели», в том числе и Феодорит, сами оказались за это осужденными.

Как можно догадаться, особо рьяно Феодорита как единомышленника Артемия обвинял архиепископ Афанасий, *по ненависти глаголя* и вспоминая то давнее противодействие ему, еще в бытность игуменом Кирилло-Белозерского монастыря, со стороны старцев-пустынников и их нелюбимые обличения за упадок и нестроения в монастыре-

* Из подлинной грамоты о решении Собора. Колчин М. Ссылки и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX веках. С. 49.

** Об этом свидетельствует, например, тот особый знак уважения к Нилу Сорскому, как «задуманная Иоанном Грозным постройка в его ските каменной церкви» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси // Волга. М., 1990. № 4. С. 122).

ской жизни. *«Феодорит, – рече Афанасий, – согласник и товарищ Артемиев, так может и он сам еретик есть, понеже с ним в единой пустыни немало лет пребывал».*

Несмотря на то, что авторитет Феодорита среди отцов церкви был очень высок и *некоторые епископы пытались его оправдать, зная его бытие, как мужа непорочного, архиепископ Афанасий, не могущий простить Феодориту его обличений за сребролюбие и пиянство, привлек для оклеветания старца еще и монахов Евфимиева монастыря во главе со своим преемником игуменом Симеоном, которые имели на него ненависть за его строгость, и в том обличении его были лукавы и весьма искусны.*

*«Большинство отцов Собора, за исключением разве Кассиана Рязанского, принадлежали к числу владык, которые придерживались учения преподобного Иосифа Волоцкого. Говоря языком Курбского, это были миролюбцы, любостыжатели, сребролюбивые и пьяные»**. *Таков в нынешнем веке презлый и любостыжательный, лукавства исполнен монашеский род!* Однако приводя это мнение современника, необходимо оговориться относительно личности ныне прославленного в лике Святителя митрополита Московского и всея Руси Макария. Формально возглавляя по своему положению «осифлянское» направление в церковной жизни, сам владыка Макарий являл собой высокий образец безупречного святительского служения. В этом смысле представляется полезным привести мнение другого, не менее авторитетного современника – царя

* Никольский Н. Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре // Христианское чтение. СПб., 1900. С. 274.

Иоанна Грозного: «О Боже! Коль бы счастлива Русская земля была, коли бы все владыки были яко преосвященный Макарий и только о делах благочестия и державы пеклися, а не о себе только, да о богатстве, покое, веселье и лакомстве, не говорю об ином...»*

После Собора в 1555 году Феодорит был отрешен от архимандритства и опять же усилиями Суздальского архиепископа сослан в Кирилло-Белозерский монастырь, игуменом которого, как известно, еще недавно был Афанасий, предполагавший, что оставшиеся там ученики его отомстят Феодориту. Но оказалось, что слава о святости Феодорита столь велика, что когда завезен он был туда и увидевшие его живущие там монахи, те, которые усердные и доброжителные, ничего не знающие о лукавом совете и презлом том деле, приняли его как мужа издавна в преподобии сущего и во святыхи многой. Это вызвало со стороны «проинструктированных» сторонников владыки Афанасия еще большее ожесточение по отношению к Феодориту. И многие скорби и беды он претерпевал от них, творящих ему ругание и бесчестие. А было ему, в этих скорбях пребывающему, уже 75 лет от роду.

Из Белозерья старец пишет послание к знатым и влиятельным людям, своим духовным чадам, в котором излагает всю нестерпимую скорбь свою от той травли, на него возведенной через тех вселукавых монахов.

Ходатайство многих царских вельмож к митрополиту Макарию, высказавшихся об этой великой несправедливости к известному святому старцу, привело к освобожде-

* Татищев В. Н. Судебник, 2-е изд. М., 1786. С. 229.

нию Феодорита. Святитель Макарий устыдился, вспомнив о той святости, понеже и ему он был духовник, и дал скоро еписколию в тот монастырь, повелевающе отпустить мужа и жительствовать ему свободно, где захочет.

После освобождения, очевидным попечением князя Курбского, Феодорит поселяется в Спасо-Преображенском ярославском монастыре, идеже лежит во своем месте князь Феодор Ростиславич Смоленский*. Недалеко от монастыря находилось родовое имение князей Курбских – Курба. Именно здесь, в монастыре, и поведал князю Андрею, воеводе и писателю, историю своей жизни светлый старец Феодорит.

Но промысел Божий о Феодорите был таков, что думать ему о покое и подводить итоги было еще рано.

Кратковременная опала не уронила высокий авторитет Феодорита в глазах Иоанна Грозного и митрополита Макария.

С осени 1556 года Феодорит как богослов и знаток греческого языка находится уже при царском дворе. К 1 октября 1556 года ожидается прибытие в Москву важного посольства от Константинопольского Патриарха во главе с греческим митрополитом Евгрипским и Кизическим Иоасафом.

Еще в 1547 году своей волею венчавшийся на царство молодой царь Иоанн Грозный не обращался в Константинополь за Патриаршим благословением, с одной стороны,

* Св. князь Феодор Ростиславич Черный (Смоленский), чудотворец († 1299). Один из предков кн. Курбского.

демонстрируя свою независимость, а с другой – справедливо полагая, что может получить и отказ. Но необходимость законного наследования царского титула «по чину римских кесарей» становилась для российской власти все более очевидной. Европейские монархи, вынужденные считаться с российской государственной мощью, тем не менее нехотя и «сквозь зубы» именовали Великого князя Московского царем. В феврале 1556 года вновь возник конфликт по этому вопросу с литовскими послами, прибывшими в Москву договариваться о мире, но при этом принципиально не желавшими именовать Государя Московского «царем». «От чего был немалый спор и великое мовение»*.

И вот наконец этой осенью 1556 года представился благоприятный случай обратиться за благословением к Святейшему Архиепископу Константинополя – Нового Рима и Вселенскому Патриарху. От Константинопольского Патриарха Дионисия за милостыней в Москву прибыл митрополит Иоасаф. Архимандрит Феодорит, блестяще проведя необходимые переговоры с посольством, *яко муж искусный и мудрый*, оказался идеальной кандидатурой и для поездки в Константинополь с почетной миссией – хлопотать об узаконении титула «царя Московского». Не было сомнений, что именно Феодорит, как никто другой, способен в наилучшем виде представить греческим иерархам как уровень российского богословия, так и старческой духовной мудрости. Препятствием мог оказаться лишь весьма преклонный возраст старца – на момент

* Выписка из Посольских книг 1556 г. // Сборник князя Оболенского. М., 1836. С. 13.

путешествия в Константинополь Феодориту исполнялось 76 лет. Однако возраст не мог остановить Феодорита Пустынника, который, как известно, «широко ходит», потому, хотя и был он уже в старости маститой и в немощном теле, но повеления царева послушал и пошел с радостью на таковое посольство.

Но до своего отбытия с царским посольством в Константинополь кольский старец желал в полной мере использовать это благоприятное время своего нахождения при дворе Иоанна Грозного, дабы представить царю своего верного единомышленника и сопостника, преподобного Трифона Печенгского и заручиться царской поддержкой в деле становления новой обители – монастыря-крепости в устье реки Печенги.

Семь лет назад расстались Феодорит Кольский и Трифон Печенгский после того памятного «собора Кольских святых» в Кандалакшском монастыре. Семь лет скитался Трифон, живя милостынею, и семь лет братия жила без своего Старца. Трифон, исполненный христианской любви, даже покинув Печенгу, не оставил своего попечения о доверившихся ему людях. Правда, братия получала от Трифона лишь то, что им виделось наиболее ценным, – собранные им пожертвования, которые он «на пропитание братии посылал»*. Великой мудрости исполнено это жертвенное служение Святого.

Конечно же, в этот долгий период пребывания в миру преподобный Трифон не терял связи с Феодоритом.

* Житие прп. Трифона. С. 111.

И много о чем передумали и о чем проплакали за эти долгие годы наши северные старцы.

Церковь середины XVI века своими соборными решениями утвердила свой выбор в отношении нового монастырского уклада, и многие «заволжские старцы» были названы еретиками. Да и сам Феодорит с единомышленниками были сосланы на бесчестие. Церковь шла под власть Царя и благословляла всех потрудиться на благо державы Российской, созидая империю – «Третий Рим».

В этой ситуации каждый христианин, каждый монах оказывался перед выбором. Выбирали Феодорит и Трифон. Они помнили святительское благословение владыки Макария на строительство православных обителей на дальних северных рубежах и слова его об острой потребности державы Российской освоить эти земли, закрепиться на берегах Северных морей. Но помнили они и о том, что есть незыблемая основа монашества:

Монах есть тот, кто миру не причастен,
Кто говорит всегда с одним лишь Богом,
Кто, видя Бога, сам бывает видим,
Любя Его, он Им любим бывает
И, светом становясь, всегда сияет*.

И наши северные старцы, смиренно принимая соборную волю Церкви, в душе оставались прежними священнобесмолствующими монахами-пустынниками. Трифон, вернувшись через восемь лет на Печенгу с Жалованной царской грамотой, сознательно примет этот тяжкий крест духовного окормления столь непростого монастыря и до

* Иеромонах Илларион (Алфеев). Преподобный Симеон Новый Богослов и православное предание / Избранные гимны. М., 1998. С. 597.

конца своей жизни, несмотря на противодействие, будет делать все, чтобы не допустить погибели душ иноческих: «Аще и питаемые тобой роптать не перестают, но ты сих зверство на кротость в благоразумие привел, молитвами непрестанными, и пением, и бдением, дондеже их Христу чистыми представил»*.

В этом тропаре Канона раскрывается нам все величие едва ли не самого главного жизненного подвига преподобного Трифона Печенгского. Несмотря на упомянутые «ярость» и «неукротимость» братии, с которыми вплотную довелось столкнуться Печенгскому старцу, ему все же удалось благодатной силой своей великой святости преобразовать «сих зверство на кротость» и привести в «благоразумие». Путь, которым вел братию Трифон, весьма не прост, но он единственно возможный в той ситуации – «молитвами непрестанными, и пением, и бдением».

Должно было пройти триста пятьдесят лет, прежде чем мы осознали величие этого подвига преподобного Трифона, возродившего к жизни вечной души своих своевольных чад. И нет ныне у нас сомнений, что много позже, в 1589 году, когда попустил Господь «прийти беде на обитель» и взвесил душу каждого на весах жизни и смерти, то тяжесть этого креста Трифона искупила души 116 монастырских насельников. И эту свою братию монастырскую, смирившуюся перед возвещенной Трифоном при своей кончине волей Божьей и за послушание игумену принявшую лютую смерть от разбойного меча, Трифон, конечно же, «Христу чистыми представил».

* Канон прп. Трифону. Л. 95 об.

Итак, в это столь благоприятное время осени 1556 года Феодорит отыскивает странствующего Трифона и призывает его поспешить в Москву, дабы *пред царским лицем поставити*. После успешно прошедших при посредничестве Феодорита переговоров царя с послом Вселенского Патриарха греческим митрополитом Иоасафом пришло самое время подать челобитную Государю с просьбой о царских милостях для Печенгского монастыря.

По Житию, Трифон прибывает в Москву с неким «единопутным своим Соловецкого монастыря праведным иноком»*, которым был не кто иной, как будущий настоятель Печенгского монастыря игумен Гурий. Организуя эту встречу с царем и подачу челобитной о льготах обители на Печенге, Феодорит и Трифон (при участии Соловецкого игумена Филиппа) подготовили и достойного кандидата в настоятели монастыря, имя которого и было вписано в Жалованную грамоту: «Живоначальная Троицы Печенгского монастыря игумена Гурия с братией или кто в том монастыре иныя игумен и братия будут...» «Челобитную свою» вручал царю именно «праведный инок» Гурий, что подтверждает и текст самой грамоты: «...что нам бил челом игумен Гурей...»**.

Нет сомнения в особом попечении Божьем об этой встрече, ясно показанном нам в том великолепном чуде явления царю этих «двух светолепных иноков», оставшихся не видимыми для окружающих, и их таинственной бесе-

* Житие прп. Трифона. С. 104.

** РГДА. Грамоты Коллегии Экономии, ф. 281. № 4139. С. 122.

де с Иоанном Грозным за целые сутки до фактического их прибытия в Москву. Несомненно, это потрясшее всех чудо, когда «царь и бояре удивилася зело о таких потаенных рабах Божиих», во многом определило исход аудиенции и столь обильные дары. Царской грамотой монастырю жаловались небывалые льготы и отписывались огромные земельные владения: «...морския губы Печенгская, Топкая, Лицкая, Урская, Пазрецкая, Нявдемская со всеми рыбными ловлями, с островами, реками и речками, с пашнями, лесами, озерами, звериными ловлями, с лопарями, какие к ним приписаны, со всеми угодыями, с царскими денежными сборами и волостными кормами...».

Еще раз имеем мы счастливую возможность убедиться в великой силе молитв наших дивных северных подвижников – преподобных Трифона и Гурия Печенгских и Феодорита Кольского. «И оттоле великий царь возлюбил их, а паче преподобного Трифона, и пожаловав его и одарив обитель колоколами и церковною утварью богато, отпустил с милостивым призрением».

Вновь назначенный игумен Гурий, распростившись с Феодоритом, отправился на Печенгу, увозя с собой заветную Жалованную грамоту. Старец Трифон задержался у Феодорита до открытия летней навигации на северных морях. Груз пожертвований монастырю был слишком велик для зимнего путешествия на Печенгу. Кроме того, может, удалось бы дождаться и возвращения Феодорита из дальних странствий.

Однако к лету следующего года Феодорит не вернулся, и Трифон, покинув «вселенную», отправился на родную Печенгу. «И прииде преподобный морем в обитель свою,

здравым, нося милостыню довольну». «Игумен же и братья о пришествии его славяще Святую Троицу, преподобного отца Трифона благодарствовали»*, и конечно, сугубо за то, что добыл он монастырю столь вожденную Жалованную царскую грамоту, исполненную невиданных льгот, открывшую путь к небывалому богатству и процветанию. Равно же как и к грядущей его гибели.

Так, бывает, Господь дает людям получить что-либо ими страстно желаемое, нечто вожденное, потребное вовсе не ко спасению, а лишь для того, чтобы на этом примере убедить их в ошибочности выбранного пути, в греховности их своевольных желаний. Дабы преподать один из тех наглядных уроков, которыми так часто вразумляет нас для нашего же блага и спасения милосердный Господь.

Видится необходимым еще раз обратить внимание на то, как повели себя наши преподобные старцы Трифон и Феодорит в той ситуации, в послесоборное время, когда завершился период выдвижения аргументов и споров о различных моделях спасения. После того как официальная Церковь сделала окончательный выбор в пользу «осифлянских» принципов отношений с самодержавной властью и «стяжательной» модели устройства монастырской жизни, наши старцы приняли это как волю Божию и со смирением подчинились ей, не помышляя о дальнейшем противостоянии и расколе. И это одна из отличительных черт православия – способность за своими желаниями, взглядами, мнениями разглядеть свершающуюся по нашим грехам волю Божию и в неумолимой силе вселенской

* Житие прп. Трифона. С. 106.

апостасии предчувствовать властную поступь «Грядущего со славою судити живых и мертвых».

Нам же, современным христианам, воспитанным в «революционном духе» и в готовности к «непримиримой борьбе», очень полезно принять для подражания этот образец истинно христианской мудрости, явленный нам преподобными Трифоном и Феодоритом.

Завершилось необычно долгое, трехмесячное пребывание греческого посольства при дворе Иоанна Грозного. Царь Иоанн при содействии Феодорита в полной мере очаровал греков богословскими беседами, ублажил богатыми милостями и щедрыми дарами. «И удоволил столом государь митрополита, дарами почтив, отпустил в Царьград»*. Вместе с посольством в обратный путь 1 января 1557 года отправился и Феодорит с наказом непременно получить благословение Патриарха на преемство наследного царского достоинства по чину Римских кесарей.

«Царь и Великий Князь Иоасафа, митрополита Евгрипского и Кизицкого, во Царьград отпустил, да с ним вместе отпустил во Царьград ко Иоасафу Патриарху бывшего Спасского архимандрита из Суздаля Феодорита, и милостыню к Патриарху с ним послал. И о своем Царском венчании Царь и Великий Князь к Патриарху Иоасафу с ним приказал, чтоб Иоасаф Патриарх со всем Собором благословение о Царском венчанье ко Царю и Великому Князю грамоту прислал. Да с Феодоритом же послан Вязметин

* Татищев В. И. История Российская. Репринт. М., 1996. Ч. 4. С. 263.

купец Матюшка Волков [купец из Вязьмы Матфей Волков] для рухляди [меха], которая с Феодоритом послана»*.

Сохранившиеся подробные инструкции и наставления («памяти»), которые давал царь Иван Васильевич Феодориту, свидетельствуют, сколь важной была эта миссия и как тщательно продумывались возможные варианты развития событий в Константинополе. Кроме официального послания и подробной инструкции о поведении Феодориту была дана и «тайная память», которую он должен был выучить наизусть и, прежде чем покинуть пределы Руси, «изодрать в Смоленске». Маршрут следования Феодорита и его спутников пролегал через границу с Речью Посполитой в районе Смоленска и далее через княжества Молдавии и Валахии, по территории Болгарии, принадлежавшей Османской Империи, и так до Константинополя.

В «тайной памяти» предусматривался вариант, когда Патриарх не сможет сразу дать соборного благословения, в таком случае, если «пошлет Патриарх грамоту обычную», то «Феодориту заехать во Святую Гору и посмотреть Хилондаря монастырь, чин Церковный, и все строение монастырское, и которым обычаем архимандрит и старцы живут, и все ли у них идет по чину Церковному»**. Кроме того, «разведывать тайно, с кем Турецкий Султан в мире, и с кем не в мире, да в разговоре с Патриархом ненарочным делом повыспрашивать, какие у Турецкого Султана дела-умышления; да все что услышит, Феодориту то себе записывать, дабы сказать Царю и Великому Князю.

* Кн. Оболенский. Полная Соборная Грамота 1561 года. М., 1850. С. 5.

** Там же. С. 17.

А память сию [запись] держать у себя, да не ведал бы ее никто»*.

Действительно, Собор греческих иерархов так быстро собрать оказалось невозможным. Патриарх с Феодоритом послал Иоанну «грамоту обычную», в которой писал, обращаясь к Царствующему Дому, что все подробности «исповедует вам во всем вернейший вам преподобнейший священноинок Феодорит, и веру имейте ему, как самому духовнейшему молебнику, и он сполна все расскажет своими устами». С Феодоритом также передал послание царю и митрополит Евгрипский Иоасаф, в котором, в частности, упоминает о том благоприятном впечатлении, которое произвел на Патриарха и его окружение Феодорит: «молебник твой царский все, что ты говорил ему, весьма духовно исправил и все с радостью это восприняли».

Касаясь главного вопроса – соборного благословения, Иоасаф сообщает: «...о том твоём царском деле соборовати не успели, и потом будет собрание архиерейское и твое Царское дело и грамоты из Собора пришлют... и дело твое Царское совершится во всем»**.

В конце Государевой «тайной памяти» имелось еще одно важное указание: «...а захочет Феодорит из Святыя горы и во Иерусалиме побывать, Феодориту в том воля»***. Так что после посещения Святой горы Афон и некоего «тайного инспектирования» Хилендарского монастыря на предмет возможности принять его под покровительство

* Кн. Оболенский. Полная Соборная Грамота 1561 года. М., 1850. С. 35.

** Там же. С. 38.

*** Там же. С. 19.

Российской державы Феодорит, конечно же, не преминул совершить паломничество и на Святую землю.

Столь дальнейшее путешествие, длившееся почти целый год, было не простым для Феодорита: *...многие на пути беды и труды подъял*. Добравшись до Константинополя, Феодорит к тому же еще и тяжело заболел, *огненным недугом, аки два месяца объят был*, но от всех этих бед *благодатию Божиею избавлен, возвратился здрав*. Ответственнейшее дипломатическое поручение Феодорит выполнил с честью. С Феодоритом из Константинополя для Государя была передана «древняя книга» с чином «венчания императоров византийских» – «Книга царского величества вся».

Патриарх постановил собрать архиереев Греческой Церкви, дабы соборно благословить Великого Князя на возведение в царский сан. Так получала официальный статус идея наследования Московским царством достоинства Византийской империи: «Москва – Третий Рим».

Царь был очень доволен результатами миссии Феодорита и щедро одарил его *тремястами серебряниками великими**. Но главное, он преподнес старцу *кожух драгих соболей*, крытый парчою и бархатом (аксамитом), и к нему такую власть духовную, которую тот бы захотел.

В этом *кожухе* реально проступали церковные облачения архиерея. Скорее всего, подаренное царем богатое одеяние действительно более приличествовало сану

* «Серебряник великий» – серебряный талер (ефимок). Один ефимок – около 30 копеек (28 г серебра). В XVI веке, например, пуд хлеба (около 16 кг) стоил 5 копеек, корова – 1 рубль.

епископа Церкви, что логически, очевидно, должно было дополнять предложение Иоанна о даровании Феодориту любой *власти духовной*. Однако при этом не исключено, что царь Иоанн сознательно искушал Феодорита, желая лично убедиться, действительно ли *жительство* этого старца такое уж *умиренное и священнолепное*.

Будет справедливым заметить, что подобное предложение, безусловно, было немалым искушением для Феодорита. Нет сомнений, что в своих трудах по просвещению Лапландии Феодорит следовал примеру просветительских деяний Стефана Пермского и намеревался повторить опыт утверждения епископской кафедры на присоединенных к православию землях. И если бы Господь сподобил, возможно, хотел бы Феодорит стать, как и святитель Стефан в Великой Перми, первым архиереем Великой Лапландии. Но, увы, как мы уже знаем, далеко не все, что удалось Стефану Великопермскому, сумел повторить Феодорит Кольский.

Лишь спустя почти четыре с половиной столетия, уже в наше время, в декабре 1995 года, мечта Феодорита воплотилась в жизнь – в этих краях была образована самостоятельная Мурманская епархия, и первым «архиереем Великой Лапландии» стал владыка Симон, епископ (ныне архиепископ) Мурманский и Мончегорский.

Ну да вернемся к встрече Феодорита с Иоанном Грозным в декабре 1557 года. Духовное чадо Феодорита князь Курбский явно был свидетелем этой аудиенции, поэтому очень живо описывает подробности того разговора. На все те упомянутые выше искусительные царские милости Феодорит, *чуть усмехнувшись, отвечал: «Я, Царь,*

повеления твоего послушался и все, что ты заповедал мне сделать, исполнил, не обращая внимания на немощи старости моей. Пусть наградою и довольствием мне будет от апостольского наместника, Патриарха Вселенского, данное мне благословение. Даров же от Твоего Величества, так же, как и власти для себя, не требую. Даруй их тем, кто просит, и кому оное потребно. Я же серебром да драгоценною одеждою услаждаться не приучен, поскольку отрекся от всего такового в начале пострижения власов моих. И пекуся о том лишь, как бы украситься внутренне добротой душевною, да благодать Духа стяжать. И только одного прошу – да с покоем и со безмолвием в келье до исшествия моего да пребуду».

Сколь же велика была святость сего светолепного старца, если даже Иоанн Грозный (!) столь смирился перед иноком, что начал молить его да не обесчестит он сана царского и да возьмет дары сии. Феодорит повиновался «за послушание», но взял из 300 лишь 25 серебряных монет. После чего, поклонившись по обычаю, изыде от лица царского.

Царь же повелел все же шубу отнести в келию, где жил Феодорит. Мы знаем по хронологии событий, что разговор этот состоялся зимой, 2/15 декабря, и эта настойчивость царя относительно шубы была вызвана заботой о почти восьмидесятилетнем старце и, видимо, не совсем здоровом. Мы помним его тяжелую двухмесячную горячку в Константинополе. Да и предстал он перед царем в своей традиционной ветхой иноческой одежде*.

* «Рясе монашеской приличествует быть ветхой и обновляться

Шубу Феодорит продал и все деньги царские раздал нищим. Искренне исповедующий иноческие обеты не знает компромиссов.

И все же, возвращаясь еще раз к царскому выбору, почему все-таки Феодорит? Давайте поставим себя на место царя Иоанна Грозного: самое главное требование – достойно представить Русскую Православную Церковь. Нужен благолепный, видный старец, исполненный даров Святого Духа и, кроме того, могущий красноречиво и грамотно отстаивать достоинство и богословский уровень российского православия. И это не где-нибудь, а в беседах с отцами греческой церкви, гордых своими древнейшими христианскими традициями и эллинской культурой, да еще перед лицом «Вселенского Патриарха». Так что согласиться, это совсем не просто. Как рассказывали потом об этой миссии, радуя слух царя Иоанна Васильевича: *...сам Патриарх удивлялся, когда прислушивался к речам и беседам Феодорита премудрым, а также наблюдая его жителство умиренное и священнолепное.*

Конечно, прославление святого немислимо без очевидного Божьего волеизъявления, и потому задумаемся о значении той, поистине вселенской миссии, участником и главным исполнителем которой Господь избирает именно Феодорита. Это Божие избранничество, ясно видимое от его непорочного отрочества и юности в скиту и во всех

заплатами. “Ряса” по словопроизводству своему с греческого – есть “заплатанная одежда”» (Воронцов Е. Мысли об иночестве свт. Кирилла Туровского // Вера и разум. Харьков, 1900. С. 634).

трудах и лишениях подвижнического пути его и возрастания в духе, все это нашло достойное завершение в той наиважнейшей посольской миссии и попечении о великом событии – появлении во Вселенной русского православного царя – помазанника Божьего.

Видимо, действительно старец Феодорит в духовной жизни Руси XVI века – явление совершенно уникальное. Он пронес через всю жизнь от своей столь благочестивой, целомудренной юности до глубокой, благодатной старости такой чистый и блаженный свет веры Евангельской, настолько неподвластной соблазнам и терниям века сего, что этого преподобного старца Церковь Православная еще до его официальной канонизации удостоила редкого титула – «Блаженный». Такого титула блаженных отцов и учителей Церкви удостоиваются лица, которые хотя и не прославлены в лике святых, но пользуются уважением за свою высокую образованность и подвижническую жизнь. Таковыми были, например, патриарх Фотий, Феофилакт Болгарский, Марк Эфесский... Таким образом, мы видим, что титул «блаженный» – это высшая степень признания заслуг подвижника до его прославления в лике святого.

Только одного прошу – да с покоем и со безмолвием в келье до исшествия моего да пребуду, – так мечталось почти восьмидесятилетнему старцу, в конце изнуренному столь долгим странствием по жаркому югу. И, казалось бы, завершились наконец благополучно с Божией помощью беды и искушения, неизбежно достигающиеся иноку, оказавшемуся втянутым в жизнь мира с его страстями, политическими дрязгами и властными попечениями.

Наконец-то мысли Феодорита могли вновь устремиться в желанном направлении, в сторону Севера дикого, дабы мог он, забывши ненависть тех нечеловеколюбных монахов, повидаться вновь с любезными его сердцу лопарями. Феодорит перебирается ближе к Северу, под Вологду, в Спасо-Прилуцкий монастырь. *Полюбилось ему жить в монастыре близ великого града Вологды, его же создал святой Димитрий Прилуцкий, а то место Вологда от Москвы лежит сто миль, на пути едучи к Ледовому морю.* Вологда – это последний крупный город перед началом дальней дороги на Крайний Север. Здесь Феодорит набирается сил и долечивает болезни, привезенные с жаркого юга.

Но не может долго длиться отдых Кольского старца. И вот Феодорит снова в пути, он вновь направляется на Север, в дальние края, *аж до дикие Лопи.* Цель поездки одна: *окормлять детей своих духовных, как монахов, так и Лоплянов, наученных и крещеных от него, печась о спасении душ их. В сомневающихся сея проповедь евангельскую и размножающе благочестие, этот врученный ему от Бога талант, в столь глубоко грубом и варварском народе Лопарском.*

Князь Курбский указывает, что он был свидетелем двух таких поездок Феодорита: *два крата ездяши при мне.* То есть в период с 1558 по 1564 год – до бегства опального князя в Литву с началом жестокой тирании Грозного и опричнины.

Известен маршрут этих путешествий Кольского старца: *от Вологды до Холмогор, реками плавающе, а от Холмогор Двиною рекою великою до моря, а морем до Печенги, яже нарицается Мурманская земля, где живет Лопский*

народ; там же и Кола, река великая в море впадает, на устье ее монастырь создан от него.

К этому времени Печенгский монастырь в полной мере сумел использовать уникальные возможности небывалых льгот, дарованных царской Жалованной грамотой 1556 года, и достиг выдающегося расцвета в торговле и промыслах. В то же время волость Кола, как раз в этот период, явно замедлила свое развитие. И даже много позже, уже в 1586 году, царь Федор Иоаннович «не велели в Коле торгу быти, ибо в том месте торгу быти не пригоже: то место убогое»*.

Именно поэтому морем до Печенги и направлялся Феодорит. По рекам и по морю, это значит – в летний период. Зимой маршрут передвижения был бы несколько иным. И именно сначала в Печенгу, ставшую к этому времени духовным, хозяйственным и торговым центром края, где подвизались его *нечеловеколюбные монахи* и где в летний период оказывались его «кольские» лопари, приходящие сюда вслед за кочующими к морю стадами диких оленей, спасающихся на прохладном взморье от страшных кровососущих насекомых летней тундры.

Эта удивительная неразрывная связь Колы и Печенги, Феодорита и Трифона, Кольского Троицкого и Печенгского Троицкого монастырей, столь явно видимая на духовном уровне, нашла и свое мирозданное воплощение в этом веч-

* Жалованные грамоты царя Федора Иоанновича // Отечественные записки 1829 года. СПб., Кн. СХV. С. 236. Хотя надо пояснить, что такая характеристика волости Колы вовсе не подлинное царское мнение о ней, а лишь дипломатическая уловка для отказа датчанам в открытии торгового дела в Коле.

ном сезонном передвижении оленьих стад весной-летом из Усть-Кольских, Туломских, Нотосельгских, Муномашских тундр к морскому побережью в район рек Печенги, Лицы, Паза, а к зиме в обратном направлении.

Мы вслед за Андреем Курбским разделяем с читателями восхищение этим свидетельством неизменных «широких хождений» Феодорита даже в столь преклонном, восьмидесятилетнем возрасте и преклоняемся перед столь самоотверженным апостольским служением Старца: *«Воистину сие удивления достойно, в такой старости и такие неудобные, жестокие пути претерпел... не щадяще ни старости, ни немощного тела, сокрушенного многими летами и великими трудами».*

После бегства князя Курбского из России над Феодоритом сгустились тучи. «Всеми уважаемый, и самим царем, Феодорит возбудил гнев Иоаннов дружбою к князю Курбскому, бывшему духовному сыну сего ревностного христианского пастыря»*. В 1562 году Феодорит был подвергнут допросу. «В описи царского архива XVI века указаны „речи старца от Спаса из Ярославля, попа черного, отца духовного Курбского“»**. Видимо, ситуация действительно была очень серьезной. Слухи о мученической смерти Феодорита, настойчиво ходящие в народе, тому явное подтверждение. Когда он «дерзнул напомнить царю о жалостной судьбе знаменитого беглеца, дерзнул говорить о прощении», то Иоанн восклекотал, яко дикий вебрь, и воскрежетал

* Карамзин. Т. 9. С. 139.

** Шмидт С. О. Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа за 1614 г. М., 1960. С. 38.

неистово зубами своими и повелел такового святого мужа в реке утопити.

Но все же Божьим заступлением Феодорит уцелел. С началом периода опричнины, бесконечных и порой необъяснимых кровавых расправ, старец уже находится за пределами досягаемости страшных опричников – «монахов» кровавого ордена. Господь хранит Своего избранника. «Яко весть Господь путь праведника, а путь нечестивых погибнет» (Пс. 1, 6). Отступление Руси от чистоты веры и жизни праведной, от нестяжательности и непорочности в монашестве и прочее духовное неустройство России, усугубившееся ко второй половине XVI века, не могли не излиться гневом Божьим. Так было всегда в истории начиная с израильского народа, и с греками, истязаемыми турками, и с Россией, омывшейся кровью при Иоанне Грозном, и последующими «смутными временами»...

После упомянутого выше допроса «по делу Курбского» Феодорит решает более не искушать Господа и оставляет гостеприимные Вологодские пределы. Он окончательно возвращается на родной Крайний Север, покидая Большую землю России, на которой с 1565 года терзаемый тяжкими страстями Грозный Царь разворачивает невиданный опричный террор.

В это время Феодорит бывает и в родной Шуче, в монастырском Шуереченском ските, где юным иноком начинал свой долгий путь *восхождения к преподобию* и где могила его духовного отца *премудрого Зосимы*. Здесь зимой 1566–67 годов он беседует со знаменитым голландским путешественником и дипломатом Симоном-ван-

Салингом, который оставил в своем дневнике записи об этой встрече.

Салинген, вспоминая беседы с Феодоритом и его мнение об истории приграничных проблем Северного края, особо ссылается на высокий авторитет старца, поскольку тот слывет за знаменитого «русского философа». Естественно, «философа» в исконном значении этого слова – как выдающегося мыслителя – «любителя мудрости». По словам Салингена, таковым старец слыл среди русского народа, поскольку написал полную Историю Карелии и Лапландии. Кроме того, он «рискнул изобрести письмо» для карельского и лопарского языка, «на котором никогда не писал еще ни один человек». Феодорит показывал голландцу алфавиты и рукописи на этих языках, демонстрировал молитвы «Символ Веры» и «Отче наш», переведенные на языки северных народов. Стоит только пожалеть, что ничего из этого удивительного наследия «русского философа Феодора» не сохранилось до наших дней. Особую печаль, как можно понять, у нас вызывает факт утраты упоминаемых Салингом записей, где было «изложено все им самим [Феодоритом] испытанное». Очень хочется верить, что наша книга хоть в какой-то степени позволила восстановить те события жизни Феодорита, что были записаны им в том своем дневнике.

Салинген, вспоминая Феодорита, называет его не иначе, как «русский философ Феодор (Feodor) из Кандалакши». То есть Феодорит, несмотря на величие своих дел и «широкое хождение» по просторам Русского Севера, все же для современников, более всего был связан с Кандалакшской волостью.

Первый успех проповеди Феодорита на Крайнем Севере и самые ранние упомянутые в летописях факты крещения «лопи дикой» и строительства православных церквей связаны «с Кандалакжской губой, с устьем Нивы-реки». Софийская летопись, повествующая о строительстве в 1526 году на западном берегу реки Нивы русской православной «церкви Рождества Иоанна Предтечи», по сути, свидетельствует о факте основания города Кандалакши. Таким образом, великий подвижник Севера преподобный Феодорит Кольский справедливо может считаться основателем этого города.

Русское поселение в Кандалакше в первое время представляло собой монашеский скит. Феодорит Кольский должен быть признан также и основателем мужского монастыря, что «в Кандалошской губе на усть реки Нивы на наволоке»*. До прихода Феодорита в 1548 году никаких документальных признаков существования в этих местах монастыря мы не имеем. В течение трех лет, вплоть до назначения Феодорита архимандритом Спасо-Евфимиева Суздальского монастыря в 1551 году, он создал здесь крепкую монашескую обитель. Его попечением монастырь этот приобрел официальный статус, получал пожертвования от царя Иоанна Грозного, а также имел ежегодную «государеву ругу милостынных денег на хлеб, фимиам, ладон и воск». Все это позволило «феодоритовскому» монастырю благополучно пережить в 1568 году страшное разорение, произведенное в селах Терского и

* Из Писцовой книги 1608 года. Цит. по: Харузин Н. Русские лопари. М., 1890. С. 459.

Карельского берегов царским карательным отрядом под началом некоего Басарги Леонтьева. Хотя в то же время этот «царский опричный правез» не пережил соседний Кокуев монастырь, что с древних времен существовал в Порьей губе. Ограбленная братия переместилась из разоренных мест «к устью реки Нивы, на наволок», под защиту Кандалакшского монастыря.

Феодорит никогда не забывал свое детище, и Кандалакшский монастырь, успешно развиваясь, был весьма благоустроенным. По писцовым книгам 1574 года, в монастыре были две церкви: летняя, Свято-Никольская с двумя приделами – Петро-Павловским и Зосимо-Савватиевским, а также теплая, зимняя Рождества Пречистыя Богородицы. Три колокола на колокольне «поставил строитель монастыря» Феодорит, один колокол – дар «царя и Великого князя».

Кольский старец, вернувшись на Север, вновь принял на себя окормление не только Кандалакшского, но и Печенгского монастыря, *не щадяще ни старости, ни немоощного тела, сокрушенного многими летами и великими трудами*. Возраст Феодорита приближался уже к девяносто годам. *Воистину сие удивления достойно, как в такой старости и такие неудобные и жестокие пути претерпевал. Летом плавающе по морю, зимой на прыткошествующих оленях ездяще, по непроходным пустыням*.

Достоверно известно, что в 1569 году Феодорит не только приезжал в Печенгу духовно окормлять своих чад, но еще и являлся строителем Печенгского монастыря. В самом деле, если подходить с канонической точки зрения, то Феодорит никогда и не переставал быть строителем

основанного им Свято-Троицкого монастыря, поскольку бунт братии в 1548 году не лишает силы ставленнической грамоты – *писания ставильного*, данного Феодориту архиепископом Макарием. Надо полагать, что давний сопостник и сомолитвенник Феодорита преподобный Трифон с почтением и любовью одобрил это последнее деяние древнего старца, и Феодорит продолжил двадцать лет назад «по козням бесовским» прерванное окормление братии монастыря.

Действительно, прошло уже двадцать лет, как случилось то тяжкое искушение с кольскими монахами. Многие из них уже сами, став опытными воинами Христовыми, слезно каялись в том грехе перед Господом. И вот теперь имели такую благодатную, счастливую возможность излить свою боль и просить прощения у их первого духовного отца, у их учителя – блаженного старца Феодорита.

Но долгая и всецело отданная Господу славная жизнь Феодорита уже близилась к блаженной кончине. Девяностолетним старцем прибыл он в августе 1571 года из Кандалакши на Соловки, на главный праздник обители – День памяти преподобных Зосимы и Савватия Соловецких (8 августа), и уже не покинул отчий монастырь, место, где 77 лет назад еще отроком принял он постриг.

Он скончался в Соловецкой обители через несколько дней, 17 августа 1571 года, память о чем сохранила надпись на белой могильной плите близ южной стены монастырского Преображенского собора: «Лета 7079 августа 17 дня преставися раб Божий священно-архимандрит Суздальский Евфимиева монастыря, священноинок Феодорит, Соловецкий постриженник».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло четыреста двадцать пять лет со дня блаженной кончины Кольского старца. И вот в 1996 году исполнилась наконец главная мечта его жизни – на земле Великой Лапландии появилась Мурманская епархия. И благословением первого архиерея епархии епископа Мурманского и Мончегорского Симона в 2003 году самым первым из святых, в земле Кольской просиявших, был прославлен в лике преподобного Феодорит, просветитель Кольского края.

Мысленно восстанавливая в памяти события жизни этого удивительного подвижника и листая древние страницы его Жития, невольно испытываешь двоякое чувство. Это чувство восхищения и чувство зависти. Восхищаешься столь беззаветной, безоглядной устремленности человека ко Господу, к горнему, к Небесному, туда, «где Христос сидит одесную Бога» (Кол. 3, 2). Изумляешься способности к такому неиссякаемому порыву, полету на едином дыхании, который длится от младенчества и до последнего старческого вздоха.

И завидуешь. Завидуешь столь блаженной полноте жизни и сокровищам духа, коих сподобился стяжать этот

православный христианин и которых так легкомысленно и походя лишаемся мы, живущие ныне.

И невольно вновь приходят на ум взволнованные строки воспоминаний духовного чада преподобного Феодорита князя Андрея Курбского, благоговейно склонявшего голову перед великой святостью Кольского старца и еще четыре столетия назад увидевшего в Феодорите великий образец жизни для всех поколений российских христиан:

Зри сюда, полуверный, умягченный и разбесстыженный различными наслаждениями лицемерный христианин, какие храбрые еще обретаются старцы в Православной земле, на правоверных догматах воспитанные. Чем более престареют и изнемогут телом, тем большую храбрость и ревность ко благочестию во Господе полагают и проникаются Богом и живут под покровом Вышнего.

Мыслью, велие было бы удивление для многих, если бы я о сем, предреченном святом Феодорите, все по порядку описал, да все добродетельные и предивные дела его вспомнул, из тех, которые только я один знаю. Как возглаголить мне о том, каковые он имел дарования от Бога, что дарами Духа нарицаются: силы исцеления, дар пророчества, дар мудрости. О том, как мог он грешников спасать от сетей бесовских, от презлых дел дьявольских и выводить на путь покаяния. Как он целые народы поганские от нечестия многолетнего и неверия древнего вызволял и в веру Христову приводил.

Как найти слова и решиться рассказать о восхищениях его аж в самые обители Небесные и о видениях его неизреченных, коими Бог посетил своего избранника. Поскольку хотя и был он в теле тленном, но Господь почтил

его бестелесными и невещественными достоинствами и возможностью аэроплавательных хождений.

А какую тот муж имел многую кротость и тихость и какие мудрейшие поучения и наказы давал в тех предивных и наисладчайших апостолоподобных собеседованиях с учениками и сынами своими духовными. Тех учений его священных и я, недостойный, многократно причастен был.

Было просто удивительно, как умел он искусно исцелять загнившие и застарелые раны в душах человеческих – сиречь привычные многолетние презлые дела греховные. О том многие мудрые отцы глаголят: то, что от младости в душе человеческой утвердится и в естество воплотится, очень трудно бывает такие ветхия нечистоты в душе расторгать и искоренять, а он мог нечистоту и скверность очищать и просвещать, и ко Господу направлять через многие слезы и покаяние, и самому диаволу запрещал силою Святого Духа по данной ему от Бога власти пресвитерской, дабы отступил тот от души человеческой и не дерзал вновь осквернить покаявшихся.

Много чудесного и славного мог бы рассказать я о сем дивном муже, что не только своими очами видел и над самим собою испытал, но и от иных достоверных мужей слышал. Но да воздержусь до времени. Ныне я в странствии пребываю и долгим расстоянием отогнан от земли любимого Отечества моего. Здесь же живущие люди грубы, маловерны и телесны и в духовных делах вовсе неискusstvenные. И глупство видится им, ежели о духовном глаголишь, поскольку телесным вещам со прилежанием служат, а о духовных не радеют, да и вовсе о том не задумываются.

Аще Бог поможет, может, и обрящу я когда мужей духовных, желающих сего повествования. Тогда много что вспомянем мы и о предивных его видениях, и о пророчествах грозных, и о чудесах великих, о чем лишь духовные духовным на пользу поведать могут.

Хочется верить, что книга «Житие преподобного Феодорита, просветителя Кольского Севера» хоть в какой-то мере позволила нам восстановить славные страницы той жизни и прикоснуться к духовному наследию одного из выдающихся святых XVI века, что подвизались в Великой Лапландии, на территории нынешней Мурманской епархии.

ТРОПАРЬ
ПРЕПОДОБНОМУ ФЕОДОРИТУ,
ПРОСВЕТИТЕЛЮ КОЛЬСКОМУ
Гл. 4

От юности премудре прилежно
подвизался еси, /
пустынный жителю и в телеси Ангеле, /
исцеляеши недужныя и души
верою просвещаеши, /
апостолом сопричастниче, Слово Божие
возвестил еси, /
всея Лапландии просветителю, /
обителей и храмов Божиих зиждителю, /
Феодорите, отче всеблаженне, /
моли Христа Бога //
спастися душам нашим.

КОНДАК
ПРЕПОДОБНОМУ ФЕОДОРИТУ,
ПРОСВЕТИТЕЛЮ КОЛЬСКОМУ
Гл. 5

Обители Соловецкия отрасли многоплодная, /
монахов наставниче и покаяния проповедниче, /
царя земнаго дары отвергший
ради Небеснаго Царствия, /
красотою душевною просиял еси, /
радуйся, богомудре Феодорите, //
земли Кольския заступниче теплый.

**Житие преподобного Феодорита,
просветителя Кольского**

в изложении
иеромонаха Митрофана (Баданина)

Редактор С. Филиппов
Художник И. Куксенко
Корректор Н. Голикова
Макет, верстка С. Филиппов

Подписано в печать 31.07.2006
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 9. Тираж 5000 экз.
Печать офсетная. Заказ 2920

Издательство «Ладан», Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44
Издательство Мурманской епархии, Мурманск, ул. Зеленая, 11

Отпечатано в типографии «Моби Дик»
Санкт-Петербург, ул. Достоевского, 44
Тел/факс (812) 334-1360
www.MobyPrint.ru